

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

16—18 февраля. Вотъ какой рассказъ записалъ сотрудникъ „Армейскаго Вѣстника“ со словъ бѣженцевъ изъ м. м. Колки и Куликовской, завятыхъ теперь австро-германцами.

— Гдѣ моя жена — не знаю, а вотъ... со мной двѣ дочки — 15 и 17 лѣтъ, то обѣ и беременныя, — сквозь рыданія говорилъ горемычный отецъ.

— А вотъ эта, — указалъ Колошва на желтую, какъ воскъ, старушку, сидящую на пучкѣ грязной соломы и глядящую по русской головѣ дѣвочку лѣтъ 18—14, блѣдную, извуревную и лежащую на той же соломѣ, — эта тоже долго не забудетъ нѣмца! Меньшая догораетъ, осрамленная и замученная, а со старшей и того хуже стало.

— Ея старшую дочку распялъ нѣмецъ.

— Какъ такъ распялъ?! — удивился я.

— Да такъ и распялъ. — Красавица была на все село, а здоровая такъ, что когда къ ней стали приставать два нѣмецкихъ офицера, она ихъ избила, оборвала погоны и вытолкала изъ избы; а ночью пришли ихъ солдаты съ голыми саблями, связали Авдотью и увели, подстрѣливъ отца. На другой день нашли Авдотью въ лѣсу распятой. Руки ея были прибиты гвоздями къ двумъ соснамъ. Она была голая и опозоренная.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июль 1916 г.

Въ Туркестанѣ и Каспійскомъ побережьи растеть прядильная мальва *Hibiscus Scaparinus*. Она растеть кустомъ, изъ котораго выходятъ побѣги въ 4—6 аршинъ. Когда кустъ созрѣеть, то стебли срѣзаются и обдираются, и изъ нихъ туземцы приготовляютъ рыболовныя снасти и веревки.

Разсказываютъ, что преподавателемъ коммерческаго училища въ Нарвѣ назначенъ Э. И. Кольбергъ, отбывшій 3-мѣсячное тюремное заключеніе за злословіе о русской арміи, по постановленію войскового Донского Наказнаго Атамана.

До войны германцы посылали огородниковъ и садовниковъ колонистовъ, которые собирались устроить подъ Верденомъ особую земледѣльческую колонію. Къ счастью, у руководителя этой колоніи былъ захваченъ документъ о сношеніи его съ извѣстнымъ германскимъ шпиономъ, лейтенантомъ фонъ-Оппелемъ. Подъ Верденомъ была обнаружена также германская платформа для тяжелыхъ орудій, въ 30 километрахъ отъ форта Дуомонъ, который теперь такъ нещадно атакуютъ германцы.

Какъ сообщаетъ „Каспій“, въ управленіе бакинскаго уѣзднаго воинскаго начальника прибылъ изъ московскаго лазарета молодой солдатъ Сагатель Саакянцъ, являющійся очередной жертвой жестокостей нѣмцевъ.

Нѣмецкій офицеръ собственноручно вырѣзалъ Саакянцу языкъ за отказъ сообщить свѣдѣнія о расположеніи нашихъ частей. Саакянцъ неграмотенъ, вслѣдствіе чего представляется затруднительнымъ установить подробности учивнаго надъ нимъ звѣрства. Онъ былъ принятъ на службу въ прошломъ году бакинскимъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ и отправленъ въ одинъ изъ запасныхъ баталіоновъ, откуда былъ зачисленъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ. Такъ какъ при немъ оказалась только книжка, выданная ему запаснымъ баталіономъ, то его и прислали въ распоряженіе бакинскаго воинскаго начальника, который теперь свесся съ запаснымъ баталіономъ для выясненія, въ какой полкъ былъ переведенъ изъ баталіона Саакянцъ. Изъ мимическаго разсказа Саакянца выясняется слѣдую-

щая картина учиненнаго надъ нимъ звѣрства. Послѣ одной горячей схватки Саакянцъ, раненый въ ногу, остался на полѣ битвы. Послѣ боя нѣмцы стали провѣрять оставшихся, нѣтъ ли среди нихъ живыхъ, и обнаружили Саакянца. Нѣмецкій офицеръ потребовалъ, чтобы онъ сообщилъ свѣдѣнiя о расположенiи нашихъ войскъ. Саакянцъ отказался. Тогда нѣмецкій солдатъ сдавилъ ему горло такъ, что весь языкъ вышелъ наружу. Въ это время офицеръ перочиннымъ ножикомъ отрѣзалъ ему языкъ. Когда Саакянцъ упалъ, обливаясь кровью, нѣмцы прикололи его штыкомъ въ спину и бросили. Потомъ прибыли наши войска и подобрали его.

Г. Ренниковъ, въ № 14848 „Новаго Времени“, приводитъ фразы изъ самоучителя нѣмецкаго языка, составленнаго приватъ-доцентомъ Кiевскаго университета А. Н. Грасомъ.

Вотъ эти перлы:

„Должны ли вы эту даму оставить на улицѣ?”

Нѣтъ, я не долженъ оставить такую молодую, живую, любезную даму на улицѣ.

Напимаете вы комнату для воркованiя?

Я ее нанялъ для воркованiя.

Развѣ вамъ миръ такъ ужъ задоренъ?

Да, миръ мнѣ задоренъ.

Хотите вы раздѣться, милостивый государь?”

Я, несчастный и забитый человекъ, хочу раздѣться.

А какъ поживаютъ моя остальные вещи?

Это, я надѣюсь,—остальные вещи въ полной сохранности.

Долженъ ли ты отложить превосходную месть?

Я долженъ ее отложить.

Измѣнились вы, милостивая государыня?

Я измѣнилась, такъ какъ я встала съ кровати.

Имѣете вы боль о потерѣ вашего супруга?

Я встала съ постели, на которую меня бросила болѣзнь о потерѣ моего мужа.

Сколько времени вы имѣете новую барыню, мой другъ?

Я ее имѣю по большей части каждыя шесть недѣль”.

Рабочіе получаютъ дивныя заработки. Особенно цѣнятся фабричныя мастера. Мнѣ рассказывали, что одна изъ семей, состоящая изъ отца, матери и двухъ сыновей, зарабатываетъ ежемѣсячно 1000 рублей. Какъ сравнить теперь заработокъ рабочаго съ жалованіемъ чиновника или заработкомъ по литературному труду. Величина несравненная. Рассказывали, что рабочіе платятъ по 15—20 рублей за бутылку коньяку. Пришлось лично видѣть рабочаго, курившаго прекрасную гаванскую сигару.

Вотъ что рассказываетъ г. Весеньевъ ¹⁾ о рабочихъ военноплѣнныхъ:

„Въ деревню на работы присылаютъ только австрійцевъ да славянъ.

— Кто у васъ работаетъ?—спрашиваемъ сосѣда, или просто перваго встрѣчнаго.

— Мадыяры, румыны, галичане, русины, чехи, словаки..

— А нѣмцы?

— Никогда въ глаза не видѣлъ.

Вотъ и я никогда не видѣлъ. Нѣмцы не желаютъ работать и не работаютъ. Приведутъ партію ихъ, сдадутъ на руки помѣщику. На утро въ поле. Идутъ. Пришли и ни съ мѣста.

— Мы работать не будемъ.

Ничего подѣлать съ ними помѣщикъ не можетъ. Да оно и попятно: не пороть же вы ихъ станете. Берете ихъ на работу, а не въ исправительное отдѣленіе. И нигдѣ съ ними нѣтъ сладу. Нѣмецъ не буянить, не подговариваетъ другихъ, а только твердитъ свое упрямое и злое.

— Я работать не буду. Не буду и не буду.

То же и на казенныхъ работахъ, при чемъ различія и дѣленія работъ для нѣмца не существуетъ. Это у него принципъ. И думается, что съ этимъ „принципомъ“ надо бороться. Никакія „конференціи“ не постановляли, что военноплѣнный обязанъ бездѣльничать, обязанъ быть дармоѣдомъ. Не забудьте, что въ Германіи на нашихъ военноплѣнныхъ пашутъ.

Дайте карауль, дайте хоть небольшую воинскую команду, но пусть нѣмцы работаютъ... Вѣдь работы есть такъ много и самой разнообразной... Наконецъ, если нельзя ихъ сопро-

¹⁾ „Веч. Вр.“ 1 февр. с. г.

водить соответствующимъ эскортомъ въ деревнѣ, пусть они будутъ заняты на казенныхъ работахъ... А вѣдь такъ,—одна бѣда и соблазнъ.

И сравните австрійцевъ славянскаго происхожденія и даже мадьяръ съ тѣми же нѣмцами. Мы не нахвалимся русинами, галичанами, чехами, словаками. И работаютъ прекрасно, и вѣжливы, и честны. Цѣны на работы назначаютъ земскія управы въ согласіи съ мѣстными условіями. Половину—военноплѣнные получаютъ на руки, остальные деньги идутъ на ихъ прокормъ, помѣщеніе, одежду, обувь. Многіе помѣщики находятся съ плѣнными въ молчаливомъ соглашеніи и платятъ даже больше, чѣмъ это установлено земскими управами. Не обидно—работаютъ отлично, почему не прибавить. Никакой охраны за военноплѣнными нѣтъ. Убѣжать—не убѣгутъ.

— Зачѣмъ вамъ бѣжать... Далеко. Да что ожидаетъ дома? Тѣ же работы въ лучшемъ случаѣ, а то, можетъ быть, снова окопы... А здѣсь хоть живъ, хоть сытъ".

18 февраля. Германцы обстрѣливаютъ у Вердена французскія позиціи къ западу отъ Мааса. Французская печать считаетъ положеніе Вердена удовлетворительнымъ, но и весьма серьезнымъ.

Одинъ изъ французскихъ химиковъ въ „Journal d'Enseignement" сообщаетъ, что онъ получилъ извѣстіе отъ одного изъ плѣнныхъ германскихъ офицеровъ, сильно его заволновавшее.

Извѣстный химикъ, профессоръ Берлинскаго университета, Эмиль Фишеръ, подписавшій памятный манифестъ девяноста трехъ, получилъ въ началѣ 1915 года официальное назначеніе въ главный штабъ германской арміи. Этотъ богатѣйшій въ Германіи человекъ, пользующійся огромнымъ научнымъ авторитетомъ, принялъ званіе „консультанта арміи его величества“.

Онъ сопровождаетъ главный штабъ и рѣшаетъ вопросы конфискаціи и истребленія матеріаловъ, захваченныхъ въ занятыхъ нѣмцами областяхъ. Въ распоряженіи Э. Фишера состоитъ большое количество молодыхъ ученыхъ. Съ ихъ помощью Фишеръ уничтожилъ много построекъ, товаровъ и матеріаловъ, ненужныхъ германцамъ, и указалъ на ве-

обходимость конфискаціи различныхъ запасовъ, не считаясь съ нуждами мѣстнаго населенія.

Интересно отмѣтить, что Фишеръ и его „штабъ“ принимали участіе въ выработкѣ методовъ употребленія горящихъ жидкостей для заливанія ими траншей непріятеля¹⁾.

19—21 февраля. Читалъ удивительный докладъ комиссіи Государственнаго Совѣта по смѣтѣ министерства иностранныхъ дѣлъ о плохомъ положеніи русскихъ военнопленныхъ.

Докладъ этой комиссіи подтверждаетъ уже всѣмъ извѣстную истину, что русскимъ военнопленнымъ въ Германіи живется гораздо тяжелѣе, чѣмъ военнопленнымъ остальныхъ воюющихъ державъ.

„Причина этому, говоритъ докладъ финансовой комиссіи Государственнаго Совѣта, лежитъ не въ какихъ-либо особыхъ условіяхъ для русскаго плѣна у непріятеля, а въ томъ, что сношенія нашихъ военнопленныхъ съ родиной до сихъ поръ еще не упорядочены и помощь имъ на родинѣ слабо организована“.

Петроградскій обыватель крайне удивленъ, что это заключеніе финансовой комиссіи Государственнаго Совѣта буква въ букву сходно съ лейбъ-напѣвомъ нейтральной германофильской прессы. Умилительное сходство!

Конечно, причина этому совершенно не та, чтобы русскій человѣкъ не посылалъ гроши къ своимъ мученикамъ плѣннымъ, какъ утверждаетъ это финансовая комиссія Государственнаго Совѣта. Причины къ этому совсѣмъ иныя. Прежде всего, какъ это ни кажется на первый разъ страшнымъ, на это вліяетъ роскошное содержаніе военнопленныхъ германцевъ въ Россіи, закармливаніе ихъ на убой, предоставленіе достаточнымъ изъ нихъ скупать припасы въ ущербъ населенію.

Доводить условія питанія плѣнныхъ германцевъ, по словамъ вѣмецкихъ дневниковъ, до того, что по праздникамъ они ѣдятъ зернистую икру, не имѣть силы духа заставить германскихъ плѣнныхъ работать.

Наглый нѣмецъ рассуждаетъ такъ, что если нѣмецкихъ плѣнныхъ въ Россіи не посмѣютъ кормить плохо, не посмѣютъ ихъ заставить работать, то чего же ему церемониться съ нашими плѣнными, съ ними все возможно. Нѣмецъ сверхчеловѣкъ: онъ понимаетъ силу одного только

¹⁾ „Нов. Вр.“ 18 февр. 1916 г.

кулака, всякій другой способъ убѣжденія немислимъ для осатавѣлой душонки.

Вотъ почему овъ такъ поступаетъ съ нашими плѣнными, а не потому, что наши не хотятъ слать своимъ припасовъ и не упорядочива имъ помощь.

Для того, чтобы помочь нашимъ плѣннымъ, нѣмцу надо показать кулакъ.

Самое главное, надо заявить твердымъ образомъ Германіи, что съ ея военноплѣнными будутъ поступать такъ же, какъ они поступаютъ съ нашими. Это властво сказали и сдѣлали наши союзники, и вотъ почему съ ихъ плѣнными обращаются германцы совершенно иначе, чѣмъ съ нашими. У насъ даже завѣдываніе плѣнными находится на рукахъ у семи нянекъ. Они не объединены въ одной властной рукѣ. Даже нѣтъ инспектора военноплѣнныхъ. Между тѣмъ у насъ въ Россіи существуетъ такой человекъ, который по своей особой энергіи можетъ поставить плѣнныхъ германцевъ на свое мѣсто—это генераль Сандецкій.

Петроградскому обывателю очень бы желательно знать, нѣтъ ли въ составѣ финансовой комисіи Государственнаго Совѣта членовъ прибалтійцевъ или ихъ присныхъ?

На дняхъ, по словамъ „Заб. П.“, заключенъ въ верчинскую тюрьму крупный золотопромышленникъ Тюменцевъ, который подозрѣвается въ провозѣ и продажѣ золота за границу.

Передаютъ, что въ лавочкахъ земскихъ союзовъ спросъ солдатиковъ уже точно опредѣляется: усиленно покупаютъ бѣлый хлѣбъ, сало, курево, почтовую бумагу и лакомства.

Сообщаютъ, что экстренное собраніе сахарозаводчиковъ, признавъ убыточнымъ для себя продавать рафинадъ по таксѣ, установленной особымъ продовольственнымъ совѣщаніемъ въ Петроградѣ, заявило, что можетъ поставлять по таксѣ рафинадъ только интендантству, въ количествѣ 10 милліоновъ пудовъ, и то при томъ только условіи, если интендантство само будетъ снабжать рафинадные заводы сахарнымъ пескомъ по таксѣ, путемъ обязательнаго отчисления 10 процентовъ производства песочныхъ заводовъ.

Одновременно срядикать рафинеровъ препроводилъ кievскому уполномоченному особаго продовольственнаго совѣшанія Суковкину, для передачи предсѣдателю совѣшанія, докладную записку, требующую, подъ угрозой сокращенія производства и полнаго отсутствія рафинада на рынкахъ, повышенія предѣльной цѣны сахара. Въ видѣ аргумента въ докладной запискѣ заявляется, что сахарные заводы не могутъ поступиться ради устраниенія рафинаднаго голода частью своихъ прибылей, такъ какъ большинство ихъ являются не личными, а акціонерными предпріятіями, управленія которыхъ не могутъ завѣдомо вводить своихъ акціонеровъ въ убытки. Гг. сахарозаводчики отчаянные патриоты.

22—24 февраля. Газета „Таймсъ“ сообщаетъ, что на предстоящей въ Парижѣ экономической конференціи державъ четвернаго согласія подпишутъ договоръ о незаключеніи сепаратныхъ торговыхъ договоровъ съ Германіей и Австріей.

Недавно проходилъ по Сергіевской и видѣлъ, что всѣ ставни оконъ австрійскаго посольства сплошь заклеены плакатами съ призывомъ къ участію въ военномъ займѣ.

По словамъ „Рижскаго Вѣстника“, лица, имѣющія дѣловыя сношенія съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, при попыткахъ выяснить ихъ мѣстонахожденіе, неизбѣжно наталкивались на отвѣтъ: „Графа (или барона) нѣтъ дома, онъ находится за границей, и когда вернется на родину — неизвѣстно“.

Такимъ образомъ „пропалъ“ извѣстный графъ Э. Э. Мантейфель, которому принадлежитъ чуть ли не половина Юрьевскаго уѣзда.

У насъ имѣется документъ, подписанный довѣреннымъ графа Мантейфеля фонъ-Гревингомъ, гдѣ значится буквально слѣдующее: „Личную подписку его (гр. Мантейфеля) трудно достать, такъ какъ онъ уже съ начала декабря мѣсяца прошлаго года въ Швеціи и вовсе не знаетъ, когда онъ вернется на родину“.

Коротко и ясно: „вовсе не знаетъ, когда онъ вернется на родину“. И вернется ли вообще? Точно также находится „въ безвѣстномъ отсутствіи“ владѣлецъ имѣнія Росль

фонъ-Литгардтъ и управляющій имѣнія Торна, которое принадлежитъ брату роельскаго фонъ-Литгардта.

Интересно отмѣтить, что бѣгство нѣкоторыхъ мѣстныхъ „лояльныхъ“ гражданъ помоложе какъ разъ предшествовало отмѣненному теперь общему призыву ратниковъ второго разряда въ Лифляндской губерніи.

Что же касается графа Э. Э. Мантейфеля, то по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ онъ въ настоящее время находится гораздо далѣе Шведіи...

25—29 февраля. Двѣ съ половиной недѣли германцы яростно атакуютъ передовыя укрѣпленія Вердена съ восточной стороны на правомъ берегу Мааса и французы отошли къ западу на 1—2 километра.

Характеръ обороны сразу перемѣнился, когда въ командованіе французскими войсками на этомъ фронтѣ вступилъ талантливый и энергичный генераль Петенъ. Оборона сразу сдѣлалась активной. Атаки германцами дѣся Корбо, Дуомона и Во кончились неудачей.

Открылся первый всероссійскій сельско-хозяйственный съѣздъ. Намъ не удалось присутствовать на этомъ засѣданіи и не удалось послушать нѣмцелюбовъ господъ Бородаевского и Туганъ-Барановскаго.

По словамъ рецензента „Новаго Времени“ таковы ихъ лейбъ-германскіе напѣвы: ¹⁾.

„Помощникъ управляющаго отдѣломъ торговли г. Бородаевскій прочиталъ обширный докладъ о будущемъ торговомъ договорѣ съ Германіей. Быть можетъ, въ пожаръ кровавой войны съ Нѣмцами самая тема о мирной торговлѣ съ ними была немножко несвоевременной. Какъ-то странно было слушать разсужденія виднаго министерскаго чина о необходимости поставить Германію въ положеніе „наиболѣе благопріятствуемой“ державы, потому что сердца всѣхъ русскихъ гражданъ подъ гнетомъ кровавыхъ ужасовъ дѣющейся боины трепещутъ совсѣмъ не благопріязненными чувствами къ Нѣмцамъ. Вѣроятно, г. Бородаевскій вовсе не пацифистъ и не германофилъ, а только самый исправный начальникъ ввѣреннаго ему отдѣла, но такъ какъ герман-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 27 февр. с. г.

нофильскія теченія въ нѣкоторыхъ сферахъ у насъ очень сильны и рѣзко расходятся съ настроеніемъ общества, то къ его докладу аудиторія отнеслась чрезвычайно холодно и даже почти подозрительно. Въ своей отвѣтной рѣчи онъ самъ счелъ необходимымъ оправдываться отъ подозрѣнія въ официальномъ происхожденіи доклада, просилъ видѣть въ прочитанномъ съ трибуны не какое-нибудь вѣдомственное внушеніе, но только личное сужденіе частнаго лица. Слушателямъ было пріятно узнать, что они выслушали не министерскую декларацію, а только свободное мнѣніе независимаго въ убѣжденіяхъ столоначальника, но такъ какъ самый тонъ доклада все-таки пришелся имъ не по душѣ, то они проводили оратора гробовымъ молчаніемъ.

Вотъ тезисы г. Бородаевского въ его собственномъ изложеніи:

Задачи войны для Германіи—стремленіе къ экономическому преобладанію; задачи войны для Россіи—обеспеченіе нашей странѣ экономической независимости.

Уничтоженіе, либо чрезмѣрное униженіе Германіи, волюнѣ достижимыя при желаніи, не составляютъ предмета стремленій Россіи и ея сельскихъ хозяевъ.

Если бы построеніе нашихъ внѣшнихъ экономическихъ отношеній на принципахъ изолированія Германіи оказалось недостижимымъ, то будущій торговый договоръ съ Германіей долженъ былъ бы покоиться на принципахъ наибольшаго благопріятствованія.

— Изолированіе Германіи,—пояснилъ ораторъ,—означаетъ искусственное возведеніе между ею и нами стѣны. Допустимо ли это для Россіи, и особенно для нашего сельскаго хозяйства? Россія вывозила въ Германію послѣдніе годы на сумму полмилліарда рублей, т. е. $\frac{1}{3}$ всего русскаго экспорта. Слѣдовательно, возводитъ такую стѣну между нами и Германіей трудно. Гдѣ найдутъ наши хозяева другой такой же крупный рынокъ? Если масло, яйца и ленъ найдутъ сбытъ въ Англію и Францію, то льсъ, овесъ, пшеница и особенно ячмень находятся въ другихъ условіяхъ.

Если бы наши хозяева въ своихъ политическихъ построеніяхъ руководствовались своими шкурно-классовыми интересами, они послѣ доклада г. Бородаевского сразу сдѣлались бы горячими германофилами. Въ дѣйствительности же рѣчи оппонентовъ доказали, что вся политическая психологія сельскихъ хозяевъ не имѣетъ ничего общаго съ психологіей вѣдомственныхъ ораторовъ и что пастоящая

Россія дышитъ совсѣмъ не тою атмосферою, какая образовалась въ нѣкоторыхъ, давно не провѣтриваемыхъ, канцеляріяхъ.

Г. Шульцъ нашель, что съ такимъ докладомъ г. Бородаевскому умѣстнѣе было бы выступать не въ собраніи сельскихъ хозяевъ, а въ собраніи промышленниковъ. Особенно не тактичнымъ является 10-й тезисъ, въ которомъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что нашему врагу—Германіи нельзя предоставлять большихъ льготъ, чѣмъ вашимъ союзникамъ. Въ публичныхъ выступленіяхъ слѣдуетъ больше считаться съ особыми условіями историческаго момента.

Проф. Туганъ-Барановскій всецѣло присоединяется къ тезису о неприемлемости экономической изоляціи Германіи, какъ главнаго рынка сбыта нашихъ продуктовъ. Изолированіе Германіи равносильно уничтоженію русскаго сельскаго хозяйства.

Петроградскому обывателю невозможно найти подходящихъ для печати выраженій, которыми бы можно оттѣнить слѣдующія слова помощника управляющаго отдѣла торговли г. Бородаевскаго: *Уничтоженіе, либо чрезмѣрное униженіе Германіи, вполне достижимое при желаніи, не составляютъ предмета стремленій Россіи и ея сельскихъ хозяевъ.*

Какую надо было имѣть смѣлость, если не сказать болѣе, представителю вѣдомства господину Бородаевскому съ кафедры собранія перваго Всероссійскаго сельскохозяйственнаго съѣзда заявить, что уничтоженіе Германіи не составляетъ предмета стремленій Россіи и это сдѣлать въ то самое время, когда наглости и подлости Германіи, во всѣхъ смыслахъ, достигли своего апогея.

Удивительно также, что собраніе встрѣтило гробовымъ молчаніемъ слова господина Бородаевскаго. При подлежащихъ словахъ въ собраніяхъ нашихъ союзниковъ такое лицо встрѣтили бы свистками и предложили бы ему покинуть собраніе.

Еще задолго до войны много и много разъ петроградскому обывателю приходилось выслушивать усиленные жалобы на то, что въ одномъ учрежденіи иностраннымъ предпріятіямъ отдають предпочтеніе передъ русскими.

Вотъ какъ описывается гибель цеппелина во Франціи 8 февраля с. г.: „въ поведѣльникъ ¹⁾ вечеромъ автомобильный взводъ въ долину Ревиньи былъ насторожѣнъ. Фельдфебель Г., командовавшій имъ въ отсутствіи офицера, обратилъ вниманіе на сильную канонаду, доносившуюся съ фронта; онъ замѣтилъ, что шрапнели рвались преимущественно въ конусахъ свѣтовыхъ лучей, бросаемыхъ прожекторами, и изъ этого заключилъ, что стрѣляли по аэростату, открытому прожекторами; тотчасъ же имъ были приняты соотвѣтствующія мѣры: оба орудія, подъ значительнымъ угломъ возвышенія, были наведены въ томъ направленіи, въ которомъ, повидимому, двигался воздушный аппаратъ (еще не было извѣстно — какой); глаза всѣхъ были направлены въ небо въ лихорадочномъ ожиданіи; всѣ старались проникнуть въ темень и туманъ. Вдругъ канонирамъ показалось, что они среди облаковъ увидали темную массу, фельдфебель самъ навелъ орудіе и первый снарядъ — ракета, былъ выпущенъ. Онъ близко прошелъ отъ цеппелина и ярко освѣтилъ его. Тотчасъ всѣ люди взвода были на своихъ мѣстахъ, и закипѣла работа. Цеппелинъ былъ захваченъ въ тѣсную „вилку“, которая постепенно еще суживалась. Одинъ изъ снарядовъ зажегъ хвостовую часть дирижабля, но пожаръ почти тотчасъ потухъ. Наконецъ, хорошо направленный выстрѣлъ 75, мм. автомобильнаго орудія попалъ въ цѣль. Ясно было видно, какъ снарядъ снизу проникъ въ середину дирижабля и вышелъ на верхней поверхности его. Огонь тотчасъ распространился, и зрителямъ представилась фантастическая картина: языки пламени, выбивавшагося изъ дирижабля, стали лизать гондолу, поджигая масло и взрывая резервы съ бензиномъ. Легкое бѣлое пламя горящаго газа смѣшивалось съ тяжелымъ цвѣтнымъ огнемъ отъ масла и бензина; съ гондолы текли небольшіе ручейки пламени. Идали аэростатъ производилъ впечатлѣніе громаднаго огненнаго шара со всѣми свѣтовыми отбѣнками адскаго пламени. Очевидцы отказываются выразить словами трагическій ужасъ этого зрѣлища. Въ этомъ пеклѣ, на высотѣ 2.000 метровъ, копошатся люди; освѣщеніе настолько яркое, что наблюдатели, находящіеся по сторонамъ дирижабля, могутъ различить движенія людей на немъ. Съ цеппелина начинаютъ выбрасывать снаряды, которые падаютъ прибли-

¹⁾ „Русск. Инв.“, № 54 с. г.

зительно, на одномъ и томъ же мѣстѣ—на томъ же, гдѣ поздне упалъ дирижабль—образуемая сварядами воронки такъ близки одна къ другой, что какъ бы образуютъ одну общую глубокую могилу, готовую принять погибающихъ.

Несмотря на сброшенный балластъ, паденіе дирижабля продолжается; однако оно совершается сравнительно медленно, и многіе очевидцы полагали, что паденіе цеппелина продолжалось 5 минутъ. Временами аппаратъ корчится подъ вліяніемъ пламени и, наконецъ, носовою частью устремляется внизъ и падаетъ на полъ въ 50 метрахъ отъ дуги, образуемой здѣсь желѣзною дорогою изъ Ревиньи и въ 100 метрахъ отъ общины Брабанъ-ле-Руа. Когда цеппелинъ былъ еще въ 500 метрахъ отъ земли, видно было, какъ одинъ человекъ изъ гондолы выбросился въ пространство. Аэростатъ горѣлъ такимъ яркимъ пламенемъ, что, несмотря на туманъ, его видѣли въ 20 километрахъ отъ мѣста катастрофы. Со всѣхъ сторонъ на автомобиляхъ сюда спѣшили офицеры штабовъ; квартировавшій по близости эскадронъ козныхъ егерей карьеромъ прибылъ на мѣсто паденія и тотчасъ оцѣнилъ его, допуская внутрь круга только офицеровъ. Какъ только былъ потушенъ пожаръ, приступили къ осмотру представлявшаго кучу обломковъ цеппелина. Прежде всего были извлечены трупы экипажа, они были всѣ обожжены, скорчились отъ огня и походили на дѣтскіе трупы; всѣхъ труповъ извлечено 21; въ нѣкоторомъ разстояніи лежало тѣло выбросившагося изъ гондолы фельдфебеля; на немъ не видно было сваружи никакихъ поврежденій и даже на лицѣ и рукахъ ни малѣйшей царапины. На цеппелинѣ, помѣченномъ L. Z. 77, такимъ образомъ, было всего 22 человека; возможно, что подъ развалинами остались еще другія тѣла.

Среди чиновъ автомобильнаго завода господствовало радостное волненіе; многіе цѣловались; слишкомъ уже много горечи накопилося во французскихъ сердцахъ противъ дочныхъ бандитовъ, набѣги которыхъ вызвали столько жертвъ среди мирнаго населенія, женщинъ и дѣтей въ Парижѣ. Община Ревиньи почувствовала гордость при мысли, что на ея территоріи было уничтожено чудовище, грозившее населенію новыми жертвами; жители брали на память обломки цеппелина, что было имъ разрѣшено, съ твердою „рѣшимостью никому ихъ не уступать“. Это „нашъ цеппелинъ“, съ гордостью говорили они.

Еще тотчасъ послѣ послѣдняго налета на Парижъ газета „Matin“ назначила премію въ 25.000 франковъ летчику,

который собьетъ цепелинъ, и 10.000 артиллеристамъ, которые подстрѣлятъ его. Такимъ образомъ, вторая премія нынѣ досталась автомобильному взводу.

Вторая половина февраля на западномъ нашемъ фронтѣ протекла въ столкновеніяхъ партій развѣдчиковъ, артиллерійской и ружейной перестрѣлкахъ, минной войнѣ и дѣйствіяхъ аэроплановъ. У болгарскаго города Варны погибъ отъ 5 непріятельскихъ подводныхъ лодокъ миновосецъ „Лейтенантъ Пушинъ“.

На кавказскомъ фронтѣ армія генерала Юденича нещадно и неуставно преслѣдовала турокъ во всѣхъ направленіяхъ, при чемъ нами взяты г.г. Битлисъ, Биджаръ, Атинѣ, Риза, Сена и Керивдъ.

Всѣ операціи, выполненныя командующимъ кавказской арміей, генераломъ Юденичемъ, отмѣчены перстомъ дивнаго военнаго таланта. Трудно сказать, какую изъ нихъ надлежитъ поставить выше, какой отдать преимущество. Дивны саракамышскія дѣянія, дивенъ штурмъ Эрзерума и дивно несравненное преслѣдованіе турокъ послѣ эрзерумскаго погрома.

Во всѣхъ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ невольно поражаетъ изумительное знаніе театра военныхъ дѣйствій и психологіи турецкихъ войскъ. Всѣ тѣ, повидимому недоступныя тропы, на крайнихъ горныхъ высяхъ, при двухсаженномъ снѣгѣ были еще въ мирное время тщательно изучены. И вообще подготовка всѣхъ операцій была обработана до послѣдняго гвоздя.

Планы всѣхъ трехъ операцій кажутся сначала повидимому крайне дерзкими, но, принимая во вниманіе ихъ тщательную подготовку, они являются вполне соответственными обстановкѣ.

Поражаетъ также необычайная связность дѣйствій всѣхъ отрядовъ кавказской арміи, раскинувшейся на громадномъ пространствѣ.

Награда генералу Юденичу за Эрзерумскую операцію выразилась въ слѣдующей формѣ:

Государь Императоръ, въ 15-й день сего февраля, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать Командующему Кавказскою арміей, Генералу-отъ-Инфантеріи Николаю Юденичу орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 2-й степени въ воздаяніе отличнаго выполненія при исключи-

тельной обстановкѣ, блестящей боевой операци, завершившейся взятіемъ штурмомъ Деве-Бойнской позиціи и крѣпости Эрзерума ⁴⁾.

Побѣда генерала Юденича сбила съ толку всю германскую стратегію и заставила ее повторить у Вердена тѣ же самыя отчаянныя массовыя лобовыя атаки, которыя предпринимали нѣмцы на Бзурѣ поздней осенью и зимой 1914 года.

Вотъ какъ, по свѣдѣніямъ нейтральной печати, это происходило въ Германіи. На счетъ умѣстности въ настоящее время наступательныхъ дѣйствій происходили крупныя недоразумѣнія не только между высшими начальствующими лицами, но даже и между главными квартирами германской и австрійской арміи.

Фельдмаршалы Гинденбургъ и Макензенъ также стоятъ на разныхъ точкахъ зрѣнія. Въ то время какъ Гинденбургъ настаиваетъ на оборонительныхъ дѣйствіяхъ на всѣхъ фронтахъ, считая наступленіе опаснымъ и рискованнымъ, Макензенъ предлагаетъ рѣшительное наступленіе. Эрзерумскія событія привели эти разногласія къ определенной формѣ. Недавно въ Берлинѣ состоялся верховный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ самого кайзера.

На этомъ засѣданіи присутствовали кронпринцы германскій и баварскій (съ англо-французскаго фронта), Гинденбургъ и Макензенъ (съ русскаго фронта) и другіе высшіе чины германской арміи. Австрійцевъ, венгерцевъ, болгаръ и турокъ на это совѣщаніе не пригласили. На этомъ совѣтѣ обсуждался вопросъ, какъ сгладить впечатлѣніе, произведенное потерей Эрзерума.

Болѣе всѣхъ кипятился германскій кронпринцъ, утверждая, что надо взять Верденъ и тѣмъ компенсировать Эрзерумъ. Гинденбургъ и Макензенъ были противъ. Они говорили, что осада Вердена потребуетъ еще войскъ, что на русскомъ фронтѣ гораздо болѣе шансовъ на успѣхъ, такъ какъ тамъ на пути нѣтъ крѣпостей, и что скорое достиженіе цѣли у Вердена гораздо слабѣе, чѣмъ на восточномъ фронтѣ и что неуспѣхъ у Вердена лишитъ армію того моральнаго подъема, который необходимъ при борьбѣ съ русскими. Несмотря на это кайзеръ согласился съ кронпринцемъ, и немедленная атака Вердена была рѣшена.

⁴⁾ Русск. Ивл., № 51 с. г.

Отъ прибывшаго недавно изъ Франціи я слышалъ слѣдующее о началѣ операций у Вердена.

Французское высшее командованіе уже давно получало свѣдѣнія о перевозкѣ германцами войскъ, тяжелой артиллеріи и боевыхъ запасовъ къ французскому фронту. Для парирования готовящагося наступленія была сосредоточена за фронтомъ армія генерала Петена. Съ начала февраля германцы по всему французскому фронту вели частныя наступленія и открывали усиленный огонь.

Тихо было только на Верденскомъ фронтѣ, который обороняли территоріальныя и африканскія войска. Мнѣнія чиновъ французскаго генеральнаго штаба раздѣлились: одни полагали, что германцы атакуютъ англичанъ, другіе, полагали, что пунктомъ атаки будетъ Верденъ.

Мнѣніе послѣднихъ основывалось на томъ, что на развѣдкахъ выяснялось, что къ Верденскому участку германцы подвонили массу войскъ и громадное количество тяжелой артиллеріи и боевыхъ запасовъ. Въ резервъ къ Верденскому участку былъ назначенъ XX корпусъ, который былъ расположенъ въ 100 километрахъ къ ю.-з. отъ Вердена. Армія Петена могла быть перевезена только черезъ нѣсколько дней къ Вердену, и одна только желѣзнодорожная линія питала Верденъ.

8-го февраля германцы открыли ураганный огонь по Вердену и повели яростныя атаки массами войскъ, тройными и четверными силами. Полтора сутокъ длился бой; французы были принуждены отступать съ передовыхъ позицій. Къ этому времени у мѣстнаго начальства сложилось мнѣніе, что надо очистить правый берегъ Мааса и отступать къ Вердену. Дали знать въ штабъ Жоффра. Тотъ послалъ къ Вердену своего начальника штаба генерала Кастельно, который, осмотрѣвъ ночью позицію, отдалъ приказаніе удержаться во что бы то ни стало на Дуомонскомъ плато. Онъ приказалъ перевезти къ Вердену армію генерала Петена и поручилъ ему защиту Вердена. Были сосредоточены 4.700 грузовиковъ. На нихъ перевозъ Петенъ свою армію, свои боевые запасы и отстоялъ Верденъ.

1—10 марта. Намъ, русскимъ, надлежитъ основательно усвоить себѣ, что главный фронтъ міровой войны есть русскій фронтъ. И что сокрушеніе врага, сокрушеніе неприступности его позицій должно послѣдовать съ русскаго фронта.

Возможность овладѣнія, якобы неприступными германскими позиціями, при надлежащей артиллерійской подготовкѣ, и безъ особыхъ потерь, уже доказалъ еще въ концѣ октября прошлаго года на рижскихъ позиціяхъ Радко-Дмитріевъ, какъ это и было у насъ выяснено въ февральскихъ замѣткахъ. Излишнихъ иллюзіи и упованій ни на кого намъ возлагать не слѣдуетъ.

Окончательное политическое положеніе должно слагаться только при полномъ сокрушеніи боевого, политическаго и экономическаго состоянія Германіи. Иныхъ условій быть не можетъ.

Проливы и 100 верстная полоса по обѣ стороны отъ нихъ должны быть русскими владѣніями.

Греція, руководимая королевой Софіей, всегда будетъ намъ пакостить и никогда не выступитъ на нашей сторонѣ, пока Софія у власти.

Слѣдуетъ усвоить то положеніе, что Румынія выступитъ лишь только тогда, когда обнаружится наша полная побѣда и намъ ея содѣйствія будетъ не нужно.

Одинъ знакомый, извѣстный оперный артистъ предполагаетъ организовать артистическое турне, съ исполненіемъ русскихъ музыкальныхъ произведеній для завоеванія симпатій къ Россіи въ Швеціи, Норвегіи и Даніи.

Шлемъ искреннія пожеланія къ осуществленію этого прекраснаго намѣренія.

Въ Новомъ Времени за № 14,366 напечатано описаніе мытарствъ въ Болгаріи М. И. Стребулаевой, жены нашего консула въ Скопліе.

Вотъ наиболѣе поучительныя для русскихъ мѣста этого описанія: „Болгары хвастались, что вѣмцы дадутъ Болгаріи всю Македонію, которую Россія ее лишила“.

Черезъ три дня послѣ ужасной дороги, ночевокъ въ

разоренныхъ деревняхъ и существованія впроголодь. мы прибыли на станцію Гюмеджи, откуда шель поѣздъ.

Пришелъ комендантъ станціи, высокій, черныи, озлобленный.

— Это вы русскій консулъ? Вотъ вамъ,—и онъ кинулъ почти въ лицо моему мужу документъ.—Вы спрашивали, когда идетъ поѣздъ? Вы знаете, что я могу арестовать васъ, какъ шпиона. Не разговаривать, а то я поговорю съ вами...

Онъ размахивалъ хлыстомъ, бранился съ пѣной у рта.

— Вы, русскіе, злодѣи, наши худшіе враги. Вы грязная сволочь! Можете ѣхать, но въ третьемъ классѣ, говорю вамъ, а былъ бы четвертый, такъ поѣхали бы въ четвертомъ...

Онъ подошелъ къ австрійцамъ, возмущенно смотрѣвшимъ на эту дикую сцену, и похлопалъ ихъ по плечу:

— Вотъ наши друзья. Вотъ молодцы. Мы любимъ ихъ. Вы, друзья мои, поѣдете въ первомъ классѣ.

Однако австрійцы преподали ему урокъ.

— Мы поѣдемъ вмѣстѣ въ русскимъ консуломъ и его женой въ третьемъ классѣ,—сказалъ одинъ изъ нихъ твердо,—какъ ѣхали до сихъ поръ, и отказываемся отъ льготъ.

Бѣсноватый болгаринъ растерялся, закусилъ губы и вышелъ.

Состоявшій при насъ адъютантъ коменданта, Сиклуновъ, не пропускалъ случая позадѣваться надъ нашимъ положеніемъ.

Пользуясь тѣмъ, что мы плѣнные, онъ высказывалъ самыя необоснованныя и ужасныя обвиненія относительно самыхъ дорогихъ русскому сердцу лицъ. Онъ бранилъ русскихъ, насмѣвался надъ неудачами и цинично говорилъ: Русскіе не хотѣли намъ дать Македонію, теперь русскіе военно-плѣнные построить за насъ дорогу въ Царьградъ.

— Русскіе никогда не побѣдятъ,—говорилъ онъ въ другой разъ,—пока у васъ будутъ нѣмцы всюду. Вы говорите: они высланы въ Сибирь. Пустяки, у васъ вездѣ хозяйничаютъ нѣмцы: и будетъ то, что они захотятъ. Россія грозитъ наказать насъ за камѣну. Нѣмцы заключаютъ миръ, а мы съ русскими помиримся: они до глупости неалобивы.

Нашъ адъютантъ, вступавшій иногда со мной въ политическія бесѣды, кричалъ:

— Мы побѣдимъ, мы и нѣмцы разобьемъ Россію. Она въ лицѣ Александра II и спасала-то насъ, потому что мечтала увеличить свою территорію. Россія всегда была и близорука, и глупа, всегда была подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, и ей ли

сладить съ нѣмцами. Они—знають, какъ заставить ее просить мира.

Знаменитый германскій адмиралъ Тирпицъ, создатель германскаго флота, уволенъ въ отставку.

Тирпицъ предъявилъ ультиматумъ Бетманнъ-Гольвегу: „разрѣшить подводнымъ лодкамъ топить безъ разбора все суда нейтральныхъ странъ, или онъ уходитъ въ отставку“.

На это канцлеръ заявилъ, что принятіе условій Тирпица равносильно объявленію войны всему свѣту.

Созванъ былъ совѣтъ подъ предсѣдательствомъ кайзера.

Бетманнъ-Гольвега поддержали престарѣлый фельдмаршалъ Гезелеръ и Фалькенгайнъ. Кайзеръ тщетно пытался уговорить Тирпица отказаться отъ рискованной затѣи. Тирпицъ упорно стоялъ на своемъ.

Кайзеру не оставалось выбора, и пришлось принять отставку Тирпица.

„Новое Время“ приводитъ замѣтку, насколько яростно относится къ законопроекту о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ лидеръ кадетской партіи Милюковъ¹⁾:

„Прекрасно вель себя г. Милюковъ въ комиссіи по борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ. Запросъ, выработанный подкомиссіей правительству о маріенбургскомъ госпиталѣ, Милюковъ совѣтовалъ предать забвенію, такъ какъ административныя лица, виновныя въ нѣмецкомъ попустительствѣ, уволены. Этимъ г. Милюковъ вводитъ прекрасный прецедентъ для будущаго: смѣняется должностное лицо,—и все значитъ въ порядкѣ: запросовъ никакихъ быть не можетъ. Въ вопросѣ, какъ быть съ торгово-промышленной подкомиссіей, предсѣдателемъ которой былъ Хвостовъ, который теперь отвлеченъ своими служебными дѣлами, г. Милюковъ предложилъ тоже простой выходъ: закрыть подкомиссію. По вопросу же о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія, внесенному въ Гос. Думу въ августѣ мѣсяцѣ, Милюковъ поступилъ еще проще: во время голосованія перваго пункта законодательнаго предположенія демонстративно вышелъ изъ засѣданія подкомиссіи. При голосованіи же вопроса: распространять ли ликвидацію земельныхъ владѣній нѣмцевъ на всю Имперію или нѣтъ, онъ голосовалъ вмѣстѣ съ депутатомъ Масленниковымъ противъ

этого распространенія. Вотъ истинный другъ русскихъ нѣмцевъ, и жизнеописаніе г. Милюкова и всѣхъ присныхъ его, надо полагать, войдетъ во всѣ нѣмецкія хрестоматіи, будетъ переведено на русскій языкъ, и съ Божіей помощью, какъ это не разъ бывало, будетъ одобрено ученымъ комитетомъ для нашихъ гимназій“.

Петроградскій обыватель убѣжденъ, что мы разгромимъ сначала австрійцевъ, а затѣмъ и германцевъ, но нисколько не увѣренъ въ успѣхѣхъ борьбы противъ нѣмецкаго засилья и въ какой бы то ни было побѣдѣ надъ прибалтійцами. Вопросъ этотъ остается на мертвой точкѣ, и его сдвинуть съ мѣста не придется. И вотъ почему. Заполненные прибалтійцами вліятельные посты разныхъ министерствъ, торговыхъ и акціонерныхъ предпріятій, а также русскіе нѣмцелюбы неизмѣнно вставляли палки въ ту колесницу, на которой значится надпись „борьба съ нѣмецкимъ засильемъ“. Нынѣ имъ явился надежнымъ союзникомъ нашъ прогрессивный блокъ.

Ни для кого не тайна, что въ Государственной Думѣ кадетская партія и ея лидеръ Милюковъ играетъ вліятельную роль и ихъ усиліями былъ сформированъ прогрессивный блокъ, на платформѣ коего не значилась надпись „борьба съ нѣмецкимъ засильемъ“. Лейбъ-мотивомъ къ этому послужило то обстоятельство, что не надо возстановлять одну народность противъ другой, умышленно забывая, что мы воюемъ теперь съ нѣмцемъ и нѣмецъ нашъ настоящій врагъ, а по мнѣнію блокистовъ это засилье устранится само собою. Въ свое время, въ своихъ замѣткахъ, мы уже указывали на это явленіе, которое по достоинству будетъ оценено великопріятнымъ судомъ исторіи. Нынѣ же, чувствуя за собой такую могущественную поддержку, прибалтійцы и русскіе нѣмцелюбы полѣзли на кафедры Государственной Думы и Государственнаго Совѣта и начали поучать оттуда легковѣрныхъ россіянъ, какъ поступать съ вопросомъ о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ. Главными іезуитскими напѣвами всѣхъ этихъ рѣчей было то, что нѣкоторые печатные органы все преувеличиваютъ, что не надо натравливать одну народность на другую, что проступокъ одного лица не есть проступокъ цѣлой народности, и прочая и прочая и прочая.

При чемъ гг. прибалтійцы, упоминая постоянно о своей лояльности, о службѣ, раненіи и смерти въ войскахъ российскихъ, ни единого слова не сказали въ опроверженіе того, что братья, племянники и дѣти прибалтійцевъ служатъ въ германскихъ войскахъ, получаютъ тамъ раненіе и омерть отъ русскихъ пуль, снарядовъ, русскихъ штыковъ и сабель.

Это обстоятельство будетъ правильнымъ приговоромъ исторіи надъ всѣмъ прибалтійскимъ вопросомъ.

Особенно поражаетъ петроградскаго обывателя въ настоящей сессіи Государственной Думы, когда прогрессивный блокъ достигъ апогея своего вліянія, это отношеніе къ извѣстному борцу противъ нѣмецкаго засилія князю Мансыву. Послѣ его рѣчи послѣдовали по отчетамъ „Новаго Времени“ 2 марта аплодисменты на отдѣльныхъ скамьяхъ, а по отчетамъ „Русскаго Слова“ 2 марта—аплодисменты справа. Налѣво гробовое молчаніе. Вотъ какъ большинство Государственной Думы относится къ вопросу о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ. Въ то же самое время рѣчь барона Мейендорфа по этому вопросу заканчивается рукоплесканіями слѣва. („Нов. Вр.“ отъ 9 марта).

Особаго сочувствія въ Г. Думѣ не встрѣчаетъ также рѣчь извѣстнаго борца противъ нѣмецкаго засилья Гольдмана, извѣстнаго организатора латышскихъ баталіоновъ, такъ блистательно сражающихся на рижскомъ фронтѣ.

Отсюда происходитъ чудовищное явленіе: князь Мансывъ, не встрѣчая сочувствія въ Г. Думѣ, ѣздитъ по Россіи и читаетъ лекціи противъ нѣмецкаго засилья, разумѣется, встрѣчая неизмѣнныя препоны отъ предержавшихъ прибалтійцевъ.

Изъ всѣхъ рѣчей въ Государственной Думѣ наиболее характерной была рѣчь кадета, барона Мейендорфа въ защиту прибалтійцевъ и нѣмецкихъ колонистовъ, и его отвѣты князю Мансыву и Гольдману.

Основная мысль барона была та же, какъ и всѣхъ кадетовъ и всего прогрессивнаго блока, что разъ существуетъ въ странѣ острая антипатія, острая вражда и острая подозрительность, то не слѣдуетъ патривлять одну народность

на другую, и что всѣ партіи въ взаимныхъ отношеніяхъ должны дѣлать взаимныя уступки ¹⁾.

Общую часть рѣчи съ указаніемъ, какъ надо поступать Россіи въ борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ, баронъ Мейендорфъ заканчиваетъ такъ:

„Вопросъ въ настоящую минуту заключается въ томъ, что если широкіе слои русскаго общества проникнуты чувствомъ недовѣрія, то всѣ ли способы борьбы допустимы безъ исключенія. Каковы должны быть средства борьбы съ этимъ засильемъ, которыя могутъ быть совмѣщены съ понятіемъ государства, съ другой стороны—съ понятіемъ христіанскаго государства и, наконецъ, съ задачами цѣлесообразности. Переставая бросать другъ другу упреки въ тайномъ германофильствѣ, вы, господа, дойдете до болѣе удовлетворительнаго выхода, если будете ограничивать свои споры, какимъ способомъ надлежитъ бороться“.

Значить, по мнѣнію барона, въ то самое время, когда въ войнѣ съ нами германцы проявляютъ всевозможныя, неслышанныя доселѣ по своему адскому злодѣянію, средства, Россія, внутри у себя, для борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ: а) не можетъ допускать всѣхъ безъ исключенія способовъ борьбы, б) допускать для борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ только тѣ средства, которыя могутъ быть совмѣстны съ понятіемъ христіанскаго государства; в) перестать бросать другъ другу упреки въ германофильствѣ и ограничить свои споры.

Въ общемъ мы не должны и не имѣемъ права внутри Россіи бороться противъ нѣмецкаго засилья всѣми средствами.

Относительно ликвиціи колонистскаго движенія баронъ Мейендорфъ полагаетъ: „что тѣ два указа, съ которыми у насъ подошли къ разрѣшенію этого вопроса“, „не заключаютъ въ себѣ такіе элементы, которые не могутъ украшать гражданъ нашего русскаго законодательства“.

Относительно провинившихся колонистовъ Мейендорфъ полагаетъ, что они заслуживаютъ строгой кары, затѣмъ баронъ обращается къ Государственной Думѣ съ просьбой о колонистахъ-нѣмцахъ: „моя просьба заключается въ томъ, чтобы эти колонисты, куда бы они ни были высланы, пользовались тѣми же выгодами и пособіями, которыя даются эвакуируемымъ жителямъ другихъ мѣстностей, т.-е. чтобы они включались въ списки лицъ, получающихъ по-

¹⁾ „Нов. Вр.“, 4 марта с. 1.

собіе ¹⁾». Это надо дѣлать для тѣхъ колонистовъ, которые, по нашему мнѣнію, считаютъ своимъ фатерландомъ Германію.

Князь Мансыревъ въ своей рѣчи, между прочимъ, сказалъ, что депутатъ Государственной Думы отъ Лифляндской губ. былъ оштрафованъ губернаторомъ за демонстративный разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ, а когда князя спросили, кто это, онъ отвѣтилъ—баронъ Энгельгардъ.

Обмѣнъ мнѣній по этому поводу принялъ нѣсколько юмористическій характеръ, который пришлось занести въ свои замѣтки обывателю.

Возражая княю Мансыреву по этому поводу, баронъ Мейендорфъ сказалъ:

— Баронъ Энгельгардъ во время войны былъ оштрафованъ за разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ въ публичномъ мѣстѣ. Это вѣрно, но разговоръ этотъ происходилъ съ охотничьей собакой, которая была воспитана до войны и перемѣны клички для нея еще не было. Какъ вамъ извѣстно, охотники часто говорятъ съ своими собаками на иностранныхъ языкахъ ²⁾.

На это разъясненіе барона латышскій депутатъ И. П. Залитъ въ засѣданіи 8 марта отвѣтилъ такимъ образомъ:

— Заявленіе барона Мейендорфа собакѣ,—заявляетъ Залитъ,—напомнило мнѣ старое изреченіе Фридриха Великаго: „Я разговариваю съ Богомъ на латинскомъ, съ дамами—на французскомъ, а съ лошадью и съ собакой—на нѣмецкомъ языкѣ“.

Вообще, по словамъ латышскаго депутата, собаки въ Прибалтійскомъ краѣ съ самаго начала войны играютъ какую-то странную роль.

— Мнѣ вспоминается,—говоритъ Залитъ,—другая собака, которая въ 1914 году, по объявленіи нынѣшней войны, въ той же Лифляндской губерніи поднялась на заднія лапы и сорвала расклеенный экземпляръ официальнаго объявленія властей. Сначала думали, что это сдѣлалъ собственникъ животнаго, но, какъ потомъ оказалось, объявленіе не повредилось самой собакѣ ³⁾.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 2 марта с. г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 2 марта.

³⁾ „Русское Слово“ 8 марта.

Интересенъ былъ также, между прочимъ, обмѣнъ мнѣній барона Мейендорфа съ княземъ Мансыревымъ по поводу барона Георга фонъ-Мантейфеля, а также съ Н. И. Гольдманомъ.

Князь Мансыревъ сказалъ слѣдующее:

„Въ январѣ мѣсяцѣ въ газетѣ „Berliner Tageblatt“ появилась корреспонденція изъ Курляндіи, въ которой авторъ высмѣивалъ житье-бытье освобожденныхъ отъ русскаго варварства бароновъ. Эта корреспонденція возмутила столпа прибалтійскаго дворянства бар. Георга фонъ-Мантейфеля, и въ отвѣтной корреспонденціи онъ пишетъ: „Берлинская газета издѣвается надъ курляндцами, забывая услуги ихъ нѣмецкому дѣлу, а между тѣмъ эти курляндцы еще во время революціи въ 1905 г. приступили къ заселенію нѣмецкими колонистами и рабочими изъ Германіи своихъ земель. Не ихъ вина, что это колонизаціонное движеніе пріостановлено. Тѣ же самые курляндцы, которые живутъ будто бы только интересами желудка, учредили съѣтъ нѣмецкихъ обществъ, въ которыхъ было 10 тыс. членовъ, которые устраивали школы, спасшія не одного курляндца отъ измѣны своему нѣмецкому народу. Наши женщины собрали сотни тысячъ рублей для колонистовъ и для распредѣленія ихъ между жертвами русскаго фанатизма и варварства. Многія изъ этихъ женщинъ сосланы за такое рвеніе служенія нѣмецкому дѣлу въ отдаленные края, въ восточную Россію и даже въ Сибирь. Всѣ сословія были объединены однимъ идеаломъ—сохраненіемъ нѣмечества въ прибалтійскихъ земляхъ. Можетъ быть, курляндцамъ жилось привольнѣе, чѣмъ нѣмцамъ жилось въ Германіи, но это потому, что борьба за существованіе въ Прибалтійскомъ краѣ была легка — балты не такъ требовательны въ смыслѣ роскоши и излишества. Остзейскіе нѣмцы меньше работали, но столько же зарабатывали, если они задерживали реформы въ городскомъ и земскомъ самоуправленіяхъ края, то только потому, что всякая реформа могла способствовать обрусѣнію“ 1).

На это баронъ Мейендорфъ отвѣтилъ:

„Наибольшее ваше вниманіе остававалось, вѣроятно, цитированное, правда, съ нѣкоторыми неточностями, письмо

1) „Нов. Вр.“ 2 мар. 0 г.

барона Мантейфеля, появившееся въ германскомъ органѣ „Берлинеръ Тагеблаттъ“. Этою цитатою, которая содержитъ въ себѣ, я скажу, почти убійственное осужденіе настроенія прибалтійскихъ вѣмецкихъ дворянъ, онъ долженъ былъ конечно поколебать въ васъ всякое чувство довѣрія къ вѣмецкому элементу. И въ газетахъ было подчеркнута, когда это письмо въ русскомъ переводѣ появилось, что его слѣдуетъ преподнести барону Меѣндорфу на веленовой бумагѣ, дабы онъ могъ убѣдиться, каковы дѣйствительно чувства тѣхъ лицъ, которыхъ онъ изображаетъ совершенно иначе.

По поводу этого письма даже въ той формѣ, въ которой оно, дѣйствительно, появилось, и безъ тѣхъ все-таки характерныхъ измѣненій въ русскомъ переводѣ, я долженъ сказать, что возлагать за это письмо отвѣтственность на все сословіе прибалтійскихъ дворянъ невозможно. Мнѣ извѣстно, что авторъ этого письма—человѣкъ молодой, приблизительно 26 лѣтъ, учившійся въ германскомъ университетѣ, даже среди своихъ товарищей-земляковъ вызывалъ уже столкновенія въ самой Митавѣ до войны, высказывая свои взгляды. Едва-ли можно взгляды этого человѣка, не занимавшаго никакого общественнаго положенія, считать компрометирующими для всего сословія ¹⁾“.

Петроградскій обыватель можетъ къ этому прибавить, что наліянія подобныя письму барона Мантейфеля о настроеніи прибалтійцевъ были выражены еще въ болѣе сильной формѣ въ лекціяхъ прибалтійца Сильвіо Бредрика въ Берлинѣ и другихъ городахъ и воспроизведены во многихъ вѣмецкихъ газетахъ и брошюрахъ, а также въ книгѣ барона Энгельгарда: *Die deutschen Ostseeprovinzen Russlands*“.

И не буду приводить всей рѣчи извѣстнаго знатока прибалтійскихъ порядковъ, извѣстнаго латышскаго патриота Я. И. Гольдмана. Онъ между прочимъ охарактеризовалъ патриотическое настроеніе латышей, отстаивающихъ свою родину противъ германцевъ, однимъ словомъ „латышскіе баталіоны“ и затѣмъ сказалъ о борьбѣ противъ Германіи въ Россіи и Прибалтійскомъ краѣ такъ: „о дѣятельности земствъ мы все знаемъ, а о дѣятельности нашихъ гордыхъ прибалтійскихъ ландтаговъ, ничего не слышно“.

Мы не будемъ приводить подробности рѣчи барона Меѣндорфа противъ Гольдмана и укажемъ только на

¹⁾ „Нов. Вр.“ 2 марта.

конецъ, который, по нашему мнѣнію, имѣетъ характеръ угрозы:

— Я прошу, — замѣчаетъ Мейендорфъ, — члена Думы Гольдмана не столь уже усердствовать въ своихъ нападкахъ, ибо онъ слишкомъ натягиваетъ струны. Онъ не долженъ забывать, что въ русскомъ обществѣ есть элементы, которые не выдержатъ долго этого напора ненависти. И если въ началѣ войны могло казаться, что наибольшимъ патриотомъ является тотъ, кто сильнѣе всѣхъ ненавидитъ вѣмцевъ, то, можетъ-быть, въ настоящее время у многихъ возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли ненависть къ вѣмцамъ является единственнымъ и безусловнымъ мѣриломъ любви къ Россіи? Нужно уважать русское общественное мнѣніе ¹⁾.”

Вотъ что значитъ сознать силу прогрессивнаго блока.

Развѣ послѣ всего выше приведеннаго о борьбѣ съ вѣмецкимъ засильемъ нельзя не считать поставленной надъ этимъ вопросомъ мертвую точку.

11 марта. Въ то самое время, когда бои у Вердена развиваются въ грандіозную операцію, вѣмецкая печать, для отвода глазъ, печатаетъ такія утки:

Въ среднихъ числахъ марта ожидается пріѣздъ въ Вильяну Вильгельма, который прибудетъ, какъ усиленно распускаютъ слухи вѣмцы, для руководства какими-то серьезными операціями на виленскомъ фронтѣ. Къ пріѣзду кайзера берлинской тайной полиціей производится усердная „чистка“ города отъ „подозрительныхъ“ элементовъ. Ежедневно изъ Вильны выселяется по вѣскольку сотъ обывателей. Изгнанникамъ предложено селиться въ Радомской и Ломжинской губерніяхъ ²⁾.

Видимо, что комиссія Государственной Думы весьма заботится о матеріальныхъ интересахъ вѣмецкихъ колонистовъ, какъ это видно изъ прилагаемой статьи „Новаго Времени“:

¹⁾ „Русск. Сл.“, 9 марта.

²⁾ „Нов. Вр.“ 11 марта.

Согласно правиламъ 13 декабря 1915 года, Крестьянскій банкъ, расплачиваясь съ нѣмцами за пріобрѣтенныя отъ нихъ земельныя имущества, долженъ былъ выдавать имъ 4½-процентныя именныя обязательства, съ уплатою по нимъ капитала не позднѣе 25 лѣтъ со дня выдачи. Комиссія же Гос. Думы постановила, во-первыхъ, сократить предѣльный срокъ уплаты капитала, и во-вторыхъ,—что болѣе всего странно,—увеличить доходность именныхъ обязательствъ до 5½ процентовъ, приравнявъ ее такимъ образомъ къ доходности билетовъ послѣднихъ внутреннихъ военныхъ займовъ.

Для того, чтобы повѣсть, какіе отсюда произойдутъ результаты, необходимо имѣть въ виду, что заемщики Крестьянскаго банка, которымъ будутъ впоследствии предоставлены пріобрѣтенныя имъ нѣмецкія имущества, будутъ вносить, по общему правилу, всего 4½ проц., и, слѣдовательно, для уплаты нѣмцамъ дохода по именованнымъ обязательствамъ, банкъ долженъ будетъ ежегодно приплачивать одинъ процентъ, что, при общей милліардной суммѣ обязательствъ, составитъ около 10 милліоновъ ежегоднаго оброка, который русское государство обяжется платить нѣмецкимъ колонистамъ за то, что, въ свою очередь, заставило ихъ продать захваченныя ими русскія земли.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько вообще справедливо предоставлять нѣмцамъ доходъ, одинаковый съ тѣмъ, какой былъ опредѣленъ въ цѣляхъ успѣха нашихъ военныхъ займовъ, и который находитъ оправданіе въ томъ, что имъ воспользуются люди, принесшіе свои сбереженія на обще-государственное дѣло, можно было бы еще обратить вниманіе лишь на то, что этотъ доходъ оказывается чрезмѣрнымъ, даже если судить о немъ съ чисто житейской точки зрѣнія. Именно, въ связи съ войною, и, главнымъ образомъ, съ той же ликвидаціей нѣмецкаго землевладѣнія, во многихъ южныхъ губерніяхъ наблюдается въ настоящее время значительное паденіе арендныхъ цѣнъ, которыя доходятъ порою до размѣра вчетверо меньшаго, нежели было передъ наступленіемъ войны. По окончаніи ея онѣ поднимутся вновь не скоро и не сразу, такъ какъ для арендаторовъ изъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ откроется широкая возможность устроиться на бывшихъ колониетскихъ земляхъ черезъ посредство Крестьянскаго банка,—а земли эти, нужно замѣтить, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Одесскомъ

уѣздѣ, Херсонской губерніи, составляютъ почти три четверти всей площади частнаго владѣнія. Доходность земли окажется, такимъ образомъ, весьма низкой, и ее понизитъ еще, въ свою очередь, какъ установленіе общаго подоходнаго налога, такъ и постоянно увеличивающееся своимъ порядкомъ земельное обложеніе. Въ итогѣ русскіе владѣльцы едва-ли будутъ пользоваться болѣе чѣмъ 4½-процентной доходностью своихъ земель, и, пожалуй, съ завистью станутъ взирать на бывшихъ колонистовъ, которые окажутся въ гораздо болѣе выгодномъ матеріальномъ положеніи!

Вотъ къ чему могутъ иногда привести чрезмѣрно отвлеченныя разсужденія на тему о „справедливомъ“ вознагражденіи и „справедливыхъ“ оцѣнкахъ.

„Вечернее Время“ устами своего сотрудника г-на Хаваа приводитъ интересное стихотвореніе „Думскій баронъ 1)“:

Какъ нынѣ собирается думскій баронъ
 Помочь родовитымъ баронамъ,
 И съ думской трибуны, отвѣсивъ поклонъ,
 Довѣрчивымъ думцамъ нотацію онъ
 Читаетъ внушительнымъ тономъ...
 Стремителенъ духомъ, но вѣжливъ и тихъ,
 Коварную тему затронувъ,
 Баронъ превозноситъ собратьевъ своихъ,
 Курляндскихъ, лифляндскихъ и всякихъ другихъ
 Остзейскаго края бароновъ.
 —Какая ошибка,—старается онъ,—
 Считать ихъ врагами Россіи!
 Въ славянскомъ народѣ остзейскій баронъ—
 Какъ въ жгучей крапивѣ махровый цвѣтъ,
 Какъ разумъ въ бездушной стихіи!
 Въ остзейскомъ баронѣ Россіи оцѣтъ;
 Его лишь умомъ и талантомъ
 Для блага бароновъ она расцвѣтетъ,
 Въ нѣмецкой культурѣ спасенье найдетъ
 И станетъ вторымъ фатерландомъ!
 Но если бароны, встрѣчая вражду,
 Покинутъ предѣлы Россіи,

1) „Веч. Вр.“ 11 марта 1910 г.

Она затрепещетъ, какъ грѣшникъ въ аду;
 Для русской культуры, попавшей въ бѣду,
 Наступятъ часы роковыя!..—
 Такъ съ думской трибуны текутъ, какъ рѣка,
 Обильныя рѣчи барона.
 Задача барона, увы, не легка,
 Но добрыя думцы, зѣвая слегка,
 Киваютъ ему благосклонно.
 Ихъ мягкія души растрогаль баронъ;
 Имъ сдѣлалось жалко бѣднягу;
 И взоръ Милюкова слезой увлажненъ,
 И съ жаромъ клянется содѣйствовать онъ
 Остзейско-баронскому благу!..
 Но въ этомъ, читатель, мудренаго нѣтъ:
 Почтеніе къ нѣмцамъ питая,
 И имъ подражая съ младенческихъ лѣтъ,
 Мы видимъ лекарство отъ всяческихъ бѣдъ
 Въ баронахъ Остзейскаго края!
 Вотъ если бы русскій, полякъ иль латышь
 Явился въ нѣмецкомъ рейхстагѣ
 И вздумалъ, нарушивъ цензурную тишь
 И дерзко колебля нѣмецкій престижъ,
 О русскомъ заботиться благъ,—
 Тогда бы скандалъ разразился кругомъ;
 Рейхстагъ запылалъ бы, какъ кратеръ,
 И дерзкій смѣльчакъ подъ всеобщій содомъ
 Едва-ли съ трибуны сошелъ бы орломъ,
 Какъ думскій остзейскій ораторъ!

Одна французенка рассказывала, что герой Вердена, генералъ Петенъ, потому такъ слабо подвигался въ чинахъ, что былъ въ фаворѣ при правительствѣ Комба, считавшаго его ревностнымъ католикомъ. Петенъ началъ войну въ чинѣ полковника. Нынѣ, этотъ храбрѣйшій изъ храбрыхъ генералъ отличается особой религіозностью. Когда у него бываетъ свободное отъ службы время, то онъ посвящаетъ его молитвѣ и очень часто пріобщается. Подчиненные его обожаютъ.

12—15 марта. Въ „Вечернемъ Времени“ напечатано поучительное сообщеніе г. А. О.¹⁾ о томъ, какъ нѣмцы точно знаютъ, какъ у насъ во время войны развивается химическая промышленность. Вотъ эти замѣчательныя строки:

Проф. Погодинъ въ одной изъ московскихъ газетъ изумляется.

Кто-то изъ его товарищей по университету, профессоръ химіи, рассказавъ, что онъ прочелъ въ нѣмецкой химической газетѣ подробное сообщеніе о развитіи нашей химіи во время войны и объ участіи въ этомъ дѣлѣ военно-промышленныхъ комитетовъ.

Газета эта — „Chemiker Zeitung“, популярная, навойливая, юркая, повсюду проникающая газета. Въ этой газетѣ не только приводится сообщеніе о развитіи нашей химической промышленности, но и свѣдѣнія, зачастую изумительно подробныя о различныхъ изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ той или иной области химіи, металлургіи и примѣненіи электричества къ химической и металлургической промышленности.

Этимъ занимается, впрочемъ, не одна „Chemiker Zeitung“, но и солидный журналъ „Berichte der Deutsch-Chem. Gesellschaft“. Къ августовскому и сентябрьскому выпускамъ этого журнала были приложены „французское“ и „англійское“ приложенія, въ которыхъ сообщались свѣдѣнія о новыхъ работахъ Тюрпена, Готтэкса и другихъ ученыхъ и практиковъ.

Кто могъ сообщить врагу такія свѣдѣнія? Зачѣмъ?— задается тревожнымъ вопросомъ проф. Погодинъ.

Сообщаютъ нѣмцы, количество которыхъ не уменьшилось, особенно у насъ. Всѣ эти „дельбрюкковскіе пруссаки“, двуподданные нѣмцы, носящіе русскіе чины и титулы и въ то же время заботящіеся о своихъ братьяхъ и сыновьяхъ, сражающихся въ рядахъ германской арміи, свое дѣло дѣлаютъ, какъ дѣлали его и до войны. Пангерманскій союзъ, по сообщенію Андре Барра, имѣетъ въ 24 крупныхъ русскихъ городахъ свои отдѣленія, состоящія подъ предсѣдательствомъ вліятельныхъ лицъ, пользующихся кредитомъ и при берлинскомъ дворѣ.

¹⁾ „Веч. Вр.“ 12 марта с. г.

Кто разоблачилъ въ Россіи этихъ лицъ? Не пожимали ли мы имъ руку еще сегодня? Не сидѣли ли они рядомъ съ нами, когда мы обсуждали дѣятельность нашей химической промышленности, оцѣнивали новое изобрѣтеніе?

Приходится очень часто встрѣчать въ Петроградѣ мальчиковъ добровольцевъ, крошечнаго роста, въ возрастѣ, по ихъ словамъ, 13—15 лѣтъ, украшенныхъ георгіевскими крестами; мальчики бойко рассказывали о своихъ подвигахъ, но провѣрки правильности ихъ показаній не удалось сдѣлать.

Въ „Русскомъ Словѣ“ ¹⁾ г. Филатовъ свидѣтельствуетъ, какое значеніе имѣлъ ген. Радко-Дмитріевъ для обороны Риги.

Рижскій районъ, лѣвый флангъ восточнаго нѣмецкаго фронта, является опаснымъ мѣстомъ для германцевъ.

Чтобы укрѣпить свое положеніе, они все время пытались взять Ригу, но ея оборона была такъ организована генераломъ Радко Дмитріевымъ, что всѣ ихъ попытки оказались напрасными.

Въ отвѣтъ на всеподданнѣйшую телеграмму общеземскаго съѣзда Государь Императоръ осчастливилъ кн. Г. Е. Львова слѣдующей телеграммой ²⁾.

„Передайте собранію уполномоченныхъ всероссійскаго земскаго союза, что Я глубоко цѣню ихъ самоотверженный трудъ, одухотворенный вѣрою въ неминуемое торжество нашего праваго дѣла на пользу нашей дорогой арміи. Искренно благодарю всѣхъ дѣятелей земскаго союза за помощь, оказываемую имъ нашимъ воинамъ, въ размѣрахъ которой Я могъ лично убѣдиться при Моихъ посѣщеніяхъ фронта.

„НИКОЛАЙ“.

¹⁾ „Рус. Сл.“ 15 марта с. г.

²⁾ „Новое Время“ 15 марта с. г.

Слова Государя Императора и Верховнаго Главнокомандующаго ярко подчеркиваютъ ту помощь и тотъ самоотверженный трудъ, который оказывали арміи всѣ дѣятели земскаго союза.

По Петрограду часто мчится моторъ съ надписью „München“. Если онъ конфискованъ у здѣшнихъ нѣмцевъ, то почему владѣльцу его не пришло въ голову замазать краской сію нѣмецкую надпись?

Въ засѣданіи Государственной Думы отъ 14 марта¹⁾ октябристъ Милютинъ произнесъ поучительную и интересную рѣчь о подборѣ представителей нашей дипломатіи. Начавъ съ разбора промаховъ нашей дипломатіи, г. Милютинъ ведетъ свою рѣчь такъ:

— До войны, — мы не разъ тутъ слышали о русскихъ агентахъ за границей, почти не говорящихъ по-русски, грубо обращающихся съ тѣми, кто прибѣгалъ къ ихъ помощи, незнакомыхъ и не интересующихся экономическими интересами Россіи. Такіе же рассказы приходится слышать и во время войны. Изъ объяснительной записки вѣдомства видно, насколько измѣнился этотъ составъ. Я не знаю, многіе ли изъ этихъ лицъ носятъ нѣмецкія фамиліи, но всѣ эти неудачники, и русскіе, и нѣмцы, должны быть замѣнены подходящими людьми, знающими и любящими Россію. Что же касается такихъ отвѣтственныхъ постовъ, какъ директоръ канцеляріи, вѣдающій назначеніями пословъ и посланниковъ, какъ директоръ личнаго состава, какъ совѣтники политическихъ отдѣловъ, непремѣнные члены совѣта министра и сами послы и посланники, то при всемъ уваженіи къ лицамъ, замѣщающимъ сейчасъ эти должности, надо сказать, что они должны быть замѣнены людьми, носящими русскія фамиліи (Одобрительные возгласы) и извѣстными въ Россіи своею дѣятельностью. (Одобрительные возгласы и аплодисменты).

— Хотѣлось бы, какъ говорить бар. Мепендорфъ, чтобы на такихъ постахъ стояли лица, пользующіяся если не

1) „Новое Время“ 14 марта с. г.

всеобщимъ довѣріемъ, то хотя бы общимъ уваженіемъ, чтобы у власти не стояли люди, находящіеся подъ подозрѣніемъ явнаго или скрытаго германофильства.

Но принадлежа къ нѣмцебдамъ, я тѣмъ не менѣе признаю, что тяжесть сдѣланныхъ нашей дипломатіей ошибокъ одинаково ложится и на людей съ русскими фамиліями, но въ то же время должеетъ засвидѣтельствовать, что въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ слишкомъ много лицъ съ нѣмецкими фамиліями, думающихъ по-нѣмецки и переводящихъ съ трудомъ на русскій языкъ свои нѣмецкія мысли. Такіе люди не могутъ быть хорошими русскими дѣятелями, хотя они и занимаютъ сейчасъ отвѣтственные посты.

И потому правы были тѣ русскіе чиновники дипломатическаго вѣдомства, которые отказались дать подписку, что они считаютъ всѣхъ носящихъ нѣмецкія фамиліи дипломатическихъ агентовъ вполне заслуживающими оказываемаго имъ вѣдомствомъ довѣрія. Такой подпиской они взяли бы на себя всю отвѣтственность передъ страной.

Вотъ почему хотѣлось бы побольше русскихъ фамилій въ этомъ вѣдомствѣ, хотѣлось, чтобы поскорѣй были удалены съ соответствующихъ постовъ такія лица, какъ напримеръ дипломатъ при одной нейтральной державѣ, о которомъ говорятъ, что онъ по дряхлости своей и во время войны продолжаетъ самыя дружественныя отношенія съ дипломатическими представителями нашихъ враговъ.

— Вотъ почему мы радуемся, — продолжаетъ Милютинъ, — назначенію всякаго лица съ русской фамиліей и, привѣтствуя назначеніе посломъ въ Японію брата нашего уважаемаго докладчика, не можемъ отдѣлаться отъ неприятнаго чувства, что объ этомъ назначеніи уже за два мѣсяца до самаго факта было извѣстно нѣмцамъ.

Теперь говорятъ, что въ нейтральную съ Германіей Швейцарію, гдѣ происходитъ особенно сильная агитація и гдѣ остро стоитъ вопросъ о контролѣ надъ ввозомъ и вывозомъ къ нашимъ врагамъ — назначается новое лицо опять иностраннаго происхожденія. Врядъ ли оно сумеетъ справиться со своими задачами.

Напомнивъ отзывъ гр. Игнатьева о Санъ-Стефанскомъ договорѣ, о томъ, что наши дипломаты гордятся своей индифферентностью и безпристрастіемъ къ русскимъ интс-

ресамъ, и отзывъ Бисмарка, который говорилъ, что онъ „не можетъ быть болѣе русскимъ, чѣмъ эти господа“—депутатъ замѣчаетъ:

— Близится время окончательной побѣды Россіи. Она вся изошла кровью, но бодрость и вѣра въ побѣду остались въ ней. Безстрашно съ раскрытой грудью стоитъ она передъ вѣроломнымъ безчеловѣчнымъ врагомъ и одного лишь боится въ душѣ: будущаго мирнаго конгресса. Что, если и на этотъ разъ Россія будетъ предана?

Самое сильное мѣсто этой рѣчи, обращеніе къ русскимъ нѣмцамъ, мы позволяемъ себѣ для наглядности воспроизвести отдѣльно:

— Мы знаемъ, — говорилъ Милютинъ, — что далеко не всѣ русско-подданные нѣмцы оказались предателями, но не имѣемъ возможности безошибочно рѣшить, кто изъ носящихъ нѣмецкую фамилію явится предателемъ и кто останется вѣрнымъ своему русскому отечеству.

— И вы, господа, русскіе нѣмцы, не судите насъ строго въ эту минуту за недовѣріе къ вамъ, къ вашимъ фамиліямъ. Слишкомъ долго и много мы вѣрили всѣмъ вамъ. Вы пользовались у насъ такими преимуществами, что и самъ Суворовъ просился въ нѣмцы. Мы любили васъ, вѣрили вамъ, учились у васъ, ставили васъ въ примѣръ себѣ, и потому намъ такъ неожиданно горько и тяжело, что между вами оказались предатели, о которыхъ насъ никто не предупредилъ во-время. И если теперь своимъ, можетъ быть, неправильнымъ подозрѣніемъ мы обижаемъ васъ, поймите, что трудно намъ удержаться отъ этого, когда по вашей винѣ вся Россія одѣта въ трауръ и русской кровью залиты поля и лѣса, по которымъ въ сердце нашей родины проникла германская армія. (Продолжительные аплодисменты и одобрительные возгласы въ центрѣ).

Вы, оставшіеся вѣрными Россіи, можетъ быть, страдаете не меньше насъ. Но мы всѣ, у которыхъ сожжены дома и усадьбы, у которыхъ отъ разрывныхъ германскихъ пуль, отъ удушливыхъ газовъ, отъ голода и издѣвательствъ въ плѣну погибли отцы, сыновья и братья, — мы также страдаемъ молча, безъ жалобъ, не предъявляя никакихъ счетовъ и прося лишь объ одномъ: отойдите на время отъ отвѣтственныхъ постовъ, отъ власти, дайте намъ спокойно окончить войну, не опасаясь новаго удара въ спину. Нельзя требо-

вать отъ насъ сохранить за всѣми вами довѣріе до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается явной новая измѣна кого-нибудь изъ васъ!

— Въ первую половину марта военныя дѣйствія складывались слѣдующимъ образомъ: до 7-го марта развѣдки и артиллерійская и ружейная перестрѣлка. 7-го марта мы перешли въ наступленіе на лѣвомъ берегу Двины къ сѣверу и югу отъ Якобштадта, къ югу отъ Двинска, а также у озеръ Дрисвяти, у Видзъ, Поставы, у озеръ Нарочь и Вишневецкаго. Во всѣхъ этихъ районахъ мы брали окопы противника, отбивали его яростныя контръ-атаки и понемногу продвигались впередъ. Такъ продолжалось до половины марта. Въ Галиціи были небольшіе бои на нижней Стрыпѣ и на Днѣстрѣ. На Кавказѣ продолжали тѣснить противника, взяли Исфаганъ, Махматуль и Офъ.

Въ „Развѣдчикѣ“ г. Логадинъ приводитъ интересный рассказъ добровольца дѣвушки о ея бывшей службѣ солдатомъ:

— Вы не знаете, дорогая, моей мамы... Она страшно строгая и серьезная... И папа также, да и вся наша семья получила особенно хорошее направленіе. Я окончила гимназію и поступила на высшіе курсы, выбравъ математическій факультетъ. Работала очень много, такъ что послѣ экзаменовъ чувствовала себя очень утомленной, и поэтому поѣхала къ своимъ въ деревню съ цѣлью отдохнуть. А тамъ, вдругъ, читаю, объявлена война и что ни день, то встрѣчаю сообщенія о поступленіи въ армію добровольцами родныхъ и знакомыхъ. Страшно повліяло на меня настроеніе, пробудившееся у общества, а потомъ захватило совершенно. Трудно вамъ описать все, что я перечувствовала и пережила въ это время.

— Это я понимаю,—задумчиво проговорила другая сестра,—я тоже испытала нѣчто подобное.

— Да, да. Это было особое напряженіе всѣхъ силъ, душевный подъемъ, требовавшій совершенія какого-либо необычайнаго подвига. Хотѣлось не труда во имя идеи, а именно отдать свою жизнь за эту идею. Вотъ почему у меня не появилась мысль идти въ сестры милосердія, а явилось желаніе поступить въ армію солдатомъ...

Страшная ненависть, злоба и, если хотите, кровожадность охватили меня цѣликомъ съ головой. Когда я скакала объ этомъ своимъ подругамъ, онѣ посмотрѣли на меня

какъ на сумасшедшую. Но мысль моя созрѣла и вылилась въ определенное рѣшеніе поступить въ полкъ добровольцемъ, чтобы рука объ руку со всѣми идти въ битву на этихъ авѣрей-нѣмцевъ, которыхъ мнѣ хотѣлось уничтожить всѣхъ собственными руками...

Рѣшивъ, я сейчасъ же и приступила къ исполненію, уѣхавъ въ Петроградъ и сообщивъ дома всѣмъ, что поступаю въ армію... Проводили меня, какъ погибшую, заранее оплакавъ...

Перебирая своихъ знакомыхъ, я вспомнила одного дальняго родственника, получившаго въ это время пѣхотный полкъ и выступавшаго съ нимъ на театръ военныхъ дѣйствій. И сейчасъ же выѣхала въ городъ, гдѣ мобилизовался полкъ. Само собою, для командира полка моя просьба опредѣлить меня добровольцемъ (а я пріѣхала, купивъ себѣ все солдатское обмундированіе и переодѣвшись въ него) была не особенно пріятна. Но вѣдь ничего не подѣлаешь, родственныя отношенія заставили его ее исполнить...

Осмотрѣлъ онъ меня съ головы до ногъ и предупредилъ: „Смотри, Вѣра, тебѣ будетъ страшно тяжело въ полку среди солдатъ, лучше откажись отъ этой мысли“.

Я и сама понимала трудность своего положенія, но отказаться не хотѣла.

Принявъ добровольно на себя роль мужины, бодро, хотя страшно робѣя, направилась я въ казармы, гдѣ и явилась въ качествѣ добровольца Ивана Мирьина... Никто въ полку кромѣ командира полка не зналъ, что я дѣвушка... И тутъ-то началась тяжелая для меня жизнь.

Я все время боялась, что солдаты замѣтятъ мою грудь, и поэтому крѣпко забинтовала ее подъ рубашкой особымъ бинтомъ. Коротко стриженная голова дѣлала меня похожей на мальчика, и въ общемъ ничего не бросалось въ глаза, кромѣ рукъ. Но и руки я постаралась перепачкать при чисткѣ винтовки, саломъ и ржавчиною, а поэтому онѣ сдѣлались также мало отличающимися отъ всѣхъ. Умывалась я, чтобы не смыть эту грязь, безъ мыла...

Все было ничего, пока полкъ двигался по желѣзной дорогѣ, муки настоящія начались въ походѣ, а еще хуже, когда назначили нѣ позиціи. Какъ-то удивительно скоро появились на рубашкѣ насѣкомыя. Мыться я не могла, и они меня буквально съѣдали. Иногда плакать хотѣлось, но я выдерживала, скрипѣла зубами отъ страшнаго зуда и не знала, куда дѣваться ночью... Бывало уйдешь, куда-нибудь

въ лѣсокъ, свимешь бивтъ и давай чесать все тѣло ногтями... До крови расчешешь... Какъ я завидовала всѣмъ солдатамъ, имѣвшимъ возможность, снявъ свое бѣлье, заняться поисками въ немъ этихъ кровожадныхъ звѣрей.

Никто ни разу мнѣ ничего не сказалъ, и всѣ относились, какъ къ обыкновенному солдату, но мнѣ все время казалось, что каждое мое движеніе вызываетъ подозрѣніе. Солдаты вѣдь постоянно чертыхаются и ругаются ужасными словами. Первое время я краснѣла, а они меня звали барченкомъ... И въ этомъ я отъ нихъ отличалась, а меня это мучило, и я боялась ужасно, что у нихъ явится подозрѣніе...

И вотъ однажды я скрѣпя сердце во весь голосъ выругалась, хотя не совсѣмъ такъ, какъ они ругаются, а все-таки скверно выругалась. Затѣмъ чувствую, что готова провалиться сквозь землю, прямо дурно сдѣлалось, не могу ни на кого посмотрѣть, и мнѣ такъ стыдно, что я вся загорѣлась какъ въ огнѣ...

Мучительно, до боли стыдно.

— И неужели вы ругались какъ солдатъ? — съ сомнѣніемъ спросила слухательница.

— Ну, разумѣется... Но теперь вспомнить стыдно и неприятно.

Все это я перетерпѣла, лишь бы быть въ боевой обстановкѣ. Выстрѣлы, свистъ пуль меня не страшили, и я къ нимъ относилась спокойно, но бывало лежишь въ цѣпи, а сзади кто-либо близко подползаетъ, и мнѣ тогда начинаетъ казаться, что онъ разсматриваетъ мою фигуру и видитъ, что я женщина.

Ходила наша рота не разъ въ штыки. Я видѣла убитыхъ, раненыхъ, крови вокругъ, и это меня не смущало, напротивъ, я также кричала, размахивала прикладомъ, пробовала колоть штыкомъ и чувствовала, что во мнѣ пробуждается желаніе уничтожить врага и еще большее желаніе самой быть раненой, пролить свою кровь на защиту родины.

Но вотъ какая странность... Весь ужасъ войны не производилъ на меня почти никакого впечатлѣнія, а однажды, когда мы вошли въ мѣстечко, взятое нами послѣ кровопролитнаго боя, я увидѣла на одномъ дворѣ ребенка, лѣтъ двухъ—трехъ, убитого шальвою ружейною пулею, тутъ мои нервы не выдержали, и я, вбѣжавъ въ сарай, упала на землю и зарыдала, оплакивая эту погибшую безъ всякой надобности жизнь.

День за днемъ промелькнули три мѣсяца, и настала осенняя непогода, а съ нею сдѣлалось еще тяжелѣе. Шинель, рубаха, шаровары намокали подъ дождемъ, но я сушила шинель, а рубаху боялась снять и она высыхала на мнѣ.

И несмотря на эти ужасныя условія мнѣ хотѣлось еще большихъ мученій. Я ни въ чемъ не хотѣла отличатся отъ остальныхъ солдатъ. Я испытывала невыразимо сладостное чувство, что защищаю родину и отдаю свою жизнь для ея благополучія и величія.

— Но, дорогая, я прямо изумляюсь вашему характеру... Въдѣ такая жизнь,—одинъ сплошной ужасъ... Какъ хватило у васъ силъ?

— Теперь, когда все это осталось въ прошломъ, я сама удивляюсь и мнѣ иногда кажется, что это былъ страшный, кошмарный сонъ.

— Ну, а почему же все-таки вы ушли?

— Видите ли я терпѣла, когда меня ѣли насѣкомыя, крѣпилась, когда все тѣло покрылось струпьями и появились вередь... Но постоянная мокрая одежда не могла не отразиться на моемъ здоровьѣ и у меня начались флюсы, заболѣли зубы, а потомъ появилась опухоль шеи, доставлявшая мнѣ ужасныя мученія... Держалась я недѣли двѣ, и возможно, что можетъ быть перемоглась, но тутъ уже вмѣшался ротный командиръ. Увидѣлъ меня, а въ этотъ день я и говорить не могла, сидѣла закутанная и зубами щелкала.

Отправить въ госпиталь приказалъ и, не слушая никакихъ моихъ просьбъ, меня повезли въ околотокъ, а оттуда въ лазаретъ... Тамъ надо было раздѣться, и волей, неволей пришлось признаться, кто я такая... Ну, разумѣется, сейчасъ же мнѣ дано было разрѣшеніе ѣхать домой, и я въ тотъ же день направилась въ Москву, гдѣ въ это время жили мои.

Вы не можете себѣ представить ужасъ мамы и всѣхъ нашихъ, когда я ввалилась такая грязная, страшная къ нимъ въ домъ... Надо мною плакали, меня мыли, приводили въ порядокъ чуть не цѣлый день...

Когда же я переодѣлась въ женское платье, мнѣ показалось, что я воскресла, что я совершенно другой человѣкъ... Долго пришлось пролежать потомъ въ постели, перенести операцію, такъ какъ у меня осложнилась опухоль на шеѣ, и лишь черезъ мѣсяцъ я почувствовала возвращеніе силъ и энергіи.

— И васъ снова послѣ всего этого потянуло въ армію?

— Да еще какъ потянуло. Мѣста себѣ найти не могла. Прямо тоска, но только я сдалась на просьбу мамы и рѣшила поступить на курсы, а затѣмъ, прослушавъ ихъ шесть недѣль, была зачислена сестрой милосердія въ нашъ лазаретъ.

Но и здѣсь мнѣ хочется тяжелой, особенно тяжелой работы. Видя страданія раненыхъ, я хочу сама чувствовать эти страданія и сознать, что я приношу имъ пользу и что я работаю для родины...

Разсказывали, что германцы не оставляютъ своимъ попеченіемъ наши магазины игрушекъ, куда они давнымъ давно поставляютъ свои товары. Теперь пріѣхали изъ Нюрнберга оловянные солдатки наши и германскіе, всѣ въ походныхъ формахъ и на коробкахъ по-русски надписи „сраженіе при Ивангородѣ“, „Сраженіе подъ Осовцомъ“. Цѣна только иная: прежде коробка стояла 1 р. 50 к., а теперь 6 рублей.

Приводимъ произнесенную до войны рѣчь Каппелера въ секретномъ засѣданіи Совѣта высшихъ чиновъ¹⁾.

Такъ озаглавлена одна изъ главъ книги William'a Le Queux подъ названіемъ „Германскіе шпионы въ Англии“. Авторъ извѣстный англійскій политическій дѣятель, въ своемъ трудѣ, выдержавшемъ, кстати сказать, четыре изданія въ теченіе одного лишь мѣсяца, приводитъ массу интересныхъ фактическихъ данныхъ, доказывающихъ съ несомнѣнной очевидностью, какъ упорно и систематично готовилась къ войнѣ Германія, пользуясь, для этой цѣли, между прочимъ, услугами своихъ многочисленныхъ агентовъ, которые цѣлой свѣтлою шпионажа окутали почти весь міръ. Упомянутая глава, частичный переводъ которой мы даемъ ниже, интересна тѣмъ, что лишній разъ подтверждаетъ то, о чемъ вопіютъ теперь даже камни, а именно: что главнымъ вдохновителемъ настоящей міровой войны надо считать, несомнѣнно, того, кто съ лживымъ словомъ

1) „Русское Зн.“ 9 мая 1915 г. и „Русскій Инвалидъ“ № 88 с. г.

миролюбія на устахъ хотѣлъ умыть свои руки въ крови мирно настроенныхъ народовъ.

Авторъ приводитъ содержаніе того секретнаго документа, который ему удалось добыть во время своихъ путешествій по континенту. Документъ этотъ, въ видѣ рапорта, былъ представленъ британскому правительству и хранился въ архивахъ его секретной канцеляріи.

„Приводимыя ниже свѣдѣнія, — пишетъ William Le Queux, — я получилъ въ болѣе полномъ видѣ отъ одного моего близкаго друга, должностнаго лица германскаго правительства, находившагося въ близкихъ отношеніяхъ къ кайзеру.

Вскорѣ послѣ пробы цеппелиновскаго дирижабля и признанія его вполне пригоднымъ для военныхъ цѣлей было созвано въ 1908 г., въ Потсдамѣ, подѣ председательствомъ самого Вильгельма, тайное совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе: принцъ Генрихъ Прусскій, представители руководящихъ государствъ германской имперіи, главные начальники арміи и флота, а также мой близкій знакомый, который доставилъ мнѣ эти свѣдѣнія.

Вильгельмъ появился на этомъ совѣтѣ, одѣтый въ морскую форму, съ блѣднымъ, рѣшительнымъ и нѣсколько нервнымъ лицомъ. Болѣе двухъ часовъ говорилъ онъ передъ собраніемъ о тѣхъ внутреннихъ и вѣншихъ опасностяхъ, передъ лицомъ которыхъ стоитъ германская имперія, иллюстрируя свою рѣчь многочисленными географическими картами и діаграммами, а также нѣкоторыми прекрасно исполненными моделями воздушнаго корабля, предназначеннаго для предстоящей войны ¹⁾. Сначала голосъ кайзера былъ почти не слышенъ, онъ выглядѣлъ угрюмымъ и измученнымъ.

¹⁾ Интересно отмѣтить слѣдующее. Германское правительство, несомнѣнно, узнало какими-то способами, что у меня имѣется одинъ текстъ этой рѣчи Вильгельма. И вотъ что затѣмъ произошло. Въ сентябрѣ 1908 г. я намѣревался напечатать книгу, доказывающую, что Германия замышляетъ войну. Въ связи съ этимъ я далъ для прочтенія моему другу, EVELIGH NASH, извѣстному издателю въ Англіи, нѣкоторыя законченныя уже главы моего труда вмѣстѣ съ рѣчью Вильгельма. Издатель въ моемъ присутствіи заперъ рукопись въ ящикъ письменнаго стола въ своей частной квартирѣ, а не въ конторѣ. Каково же было его изумленіе, когда два дня спустя онъ открылъ столъ и увидѣлъ, что рукопись украдена. Несомнѣнно, что это дѣло германскихъ шпионовъ, такъ какъ впоследствии я достоверно узналъ, что мой манускриптъ находится въ архивахъ Берлинской тайной полиціи. Одно это обстоятельство доказываетъ, какъ сильно хотѣлось кайзеру скрыть свои милитаристическіе планы. Къ счастью, у меня остался второй экземпляръ его рѣчи.

„Господа,—началь онъ слабымъ, хриплымъ голосомъ,— созывал насъ сегодня вечеромъ на этотъ совѣтъ, я слѣдовалъ божественному предуказанію. Всемогущій Богъ всегда былъ великимъ и вѣрнымъ союзникомъ дома Гогенцоллерновъ, и въ Немъ, подобно моимъ августѣйшимъ предкамъ, я ищу предуказаній и руководительства въ часъ нужды и опасности. Послѣ долгихъ часовъ пламенной и усердной молитвы свѣтъ, наконецъ, сияшешель на меня. Вы, мои совѣтники, которымъ я вполне довѣряю, и мои друзья, передъ которыми у меня нѣтъ никакихъ тайнъ, можете засвидѣтельствовать, что съ момента вступленія моего на прародительскій престолъ, моимъ самымъ пылкимъ желаніемъ было поддержаніе мира среди всѣхъ народовъ и культивированіе, на основахъ взаимнаго уваженія и довѣрія, дружбы и благорасположенія ко всѣмъ націямъ земного шара. Я знаю, что принятый мною способъ дѣйствій не всегда встрѣчалъ ваше одобреніе и что во многихъ случаяхъ вамъ было бы пріятнѣе видѣть при моихъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми иностранными націями примѣненіе кулака, забронированнаго желѣзомъ, а не шелковой перчаткой, какъ это я дѣлалъ. И для меня было всегда источникомъ глубокой горести видѣть непонятыми мои лучшія намѣренія, но тѣмъ не менѣе, стойкій и неуязвимый для нападковъ и воздѣйствія общественной цензуры и критики, и отвѣтственный только передъ Небеснымъ Владыкой за свои поступки, я спокойно продолжалъ дѣлать то, что считалъ своей священной обязанностью передъ отечествомъ. Вѣрный прусскимъ традиціямъ и дому Гогенцоллерновъ, я считалъ необходимымъ содержать великую армію и столь же великій флотъ, какъ самую лучшую гарантію мира. Въ нашемъ рвеніи сохранить миръ, мы вынуждены были поэтому не отставать отъ нашихъ сосѣдей, которые все время увеличивали свои вооруженія; но теперь, повидимому, наступилъ предѣлъ нашему миролюбію.

Мы находимся нынѣ лицомъ къ лицу съ чрезвычайно серьезнымъ кризисомъ въ историческомъ развитіи нашей молодой имперіи. Благодаря тяжести валоогового бремени и чрезмѣрному увеличенію издержекъ на жизнь, недовольство массъ приняло угрожающіе размѣры и заразило даже средніе и высшіе классы, которые до сихъ поръ всегда были самой вѣрной и надежной опорой монархіи. Но хуже всего то, что замѣтны уже несомнѣнные признаки распространенія такого же недовольства и броженія и среди

войскъ и что въ полномъ ходу находится тайное, прекрасно организованное антимилитаристическое движеніе, рассчитывающее на пониженіе и растройство дисциплины въ государствѣ вообще и на возбужденіе открытаго неповиновенія и даже революціи среди моей арміи и флота. Судя по донесеніямъ агентовъ моей тайной полиціи, подобное же движеніе замѣтно и даетъ себя чувствовать почти во всѣхъ государствахъ Европы; все указываетъ на тотъ фактъ, не допускающій теперь уже какихъ-либо сомнѣній, что мы имѣемъ дѣло съ международной революціонной организаціей, поставившей конечной цѣлью своей дѣятельности испроверженіе троновъ и алтарей и установленіе повсюду республиканскихъ правительствъ.

Никоимъ образомъ не слѣдуетъ приуменьшать серьезность настоящаго положенія. Въ послѣднюю сессію рейхстага было открыто признано за несомнѣнный фактъ, что среди германскаго населенія никогда еще раньше не существовало такъ много друзей республиканской формы правленія, какъ теперь, и что идея эта нашла себѣ почву и распространилась не только среди бѣдныхъ народныхъ массъ, но и среди зажиточныхъ классовъ, несмотря на мои строжайшія предписанія правительству подавить это движеніе въ самомъ его зародышѣ. Но фактъ все-таки остается, и я не могу игнорировать его.

Подобно рулевому военнаго корабля, который по бурнамъ на гребняхъ волнъ видитъ съ своего сторожевого поста приближеніе бури и предупреждаетъ объ этомъ своимъ крикомъ судовую команду, такъ и я зорко наблюдаю за этими предвѣстниками грядущихъ государственныхъ потрясеній. Вопросъ о томъ, какъ найти почетное и удовлетворительное разрѣшеніе этой проблемы, былъ той задачей, которой я посвятилъ самое глубокое вниманіе въ теченіе этихъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Я допускаю, что горизонтъ мраченъ, но мы не должны отчаяваться, ибо Богъ, нашъ великій союзникъ, далъ намъ въ руки средства спасти нашу имперію отъ опасностей, угрожающихъ ея счастью и благополучію. Вы знаете, что я хочу этимъ сказать. Я имѣю въ виду удивительное изобрѣтеніе графа Цепелина, которое, съ помощью Бога, послужитъ для насъ надежнымъ средствомъ для самосохраненія и славы нашего возлюбленнаго отечества. Этимъ изобрѣтеніемъ Небесный Владыка далъ мнѣ въ руки вѣрное средство вывести Германію съ триумфомъ изъ пастоящихъ затрудненій и

разъ навсегда осуществить на дѣлѣ слова поэта: „Deutschland, Deutschland über alles“. Да, господа, Германія выше и прежде всего на свѣтѣ, Германія—первая держава на землѣ, первая какъ въ мирѣ, такъ и въ войнѣ; вотъ какое мѣсто, съ Божьяго соизволенія, я долженъ завоевать ей и завоюю съ помощью Всемогущаго.

Это—мое непреклонное рѣшеніе. Въ настоящее время, благодаря нашимъ воздушнымъ кораблямъ, мы непобѣдимы и можемъ вести войну, при желаніи, на вражеской территоріи. Нѣтъ необходимости говорить, что если мы желаемъ поддерживать наше превосходство и использовать его съ наибольшими для насъ преимуществами, мы не должны откладывать долѣе то, что необходимо сдѣлать. Вѣдь черезъ нѣсколько дѣтъ нашъ добрый другъ, нашъ врагъ, можетъ обладать такимъ же, какъ нашъ, если не болѣе превосходнымъ флотомъ, спрашивается, что же мнѣ тогда дѣлать. Великобританія бросила намъ вызовъ. Теперь наступило наше время. Нападеніе всегда было наилучшей защитой, и тотъ, кто наноситъ ударъ первымъ, обыкновенно выходитъ торжествующимъ изъ борьбы. Найти выходъ для народнаго недовольства, заглушить растуція въ немъ республиканскія симпатіи въ самомъ ихъ зародышѣ, пополнить нашу казну, уменьшить тяжесть налогового бремени, приобрѣсти новыя колоніи и съ ними новыя рынки для нашей заморской торговли...—всего этого и многаго еще другого мы можемъ добиться однимъ лишь нападеніемъ на Англію.

Вы не удивлены, господа, и по той радости, которая сіяетъ на вашихъ лицахъ, я вижу, что мои слова нашли откликъ въ вашихъ сердцахъ. Наконецъ-то эта идея, которая пользуется такой популярностью среди большей части моего народа и пропагандой которой я такъ много обязанъ моимъ профессорамъ, учителямъ и другимъ вѣрноподданнымъ патріотамъ, должна стать фактомъ,—фактомъ, котораго, конечно, не предвидѣли эти англійскіе спекулянты на панику, когда они впервые начали запугивать весь міръ германскимъ нашествіемъ. Всѣ планы самымъ заботливымъ образомъ обдуманы и заготовлены нашимъ генеральнымъ штабомъ.

Другой Мольтке, достойный имени своего предка, покажетъ всему міру, что мы не почли на лаврахъ 1870 и 1873 г.г., а въ качествѣ перваго условія мирнаго преуспѣванія неустанно готовились все это время къ войнѣ. Слав-

внѣ дѣянiя нашихъ побѣдоносныхъ армiй, я это знаю и не боюсь сказать, снова повторятся и превзойдутъ себя на поляхъ Великобританiи и Францiи, обезпечивъ Германiи въ конечномъ результатѣ подобающее ей мѣсто во главѣ народовъ. Въ настоящiй моментъ мнѣ нѣтъ необходимости входить въ подробности. Достаточно сказать, что сдѣланы всѣ необходимыя приготовления, чтобы, по одному слову, переправить въ Англiю германскую экспедиционную армiю, способную покрыть своей численностью любую и даже всѣ вооруженныя сухопутныя силы, которыя можетъ собрать и противопоставить намъ Великобританiя. Для перевозки этой армiи мы должны рассчитывать, въ значительной степени, на флотилiю быстроходныхъ кораблей Гамбургъ - Американской линiи и пароходства сѣверо-германскаго Ллойда, — этихъ двухъ преданныхъ отечеству компанiй, многочисленныя служащiе и агенты которыхъ, разсѣянные по всему свѣту, доказали уже свое ревностное усердiе и преданность дѣлу имперiи и не разъ во многихъ затруднительныхъ случаяхъ помогали моему правительству своимъ тактомъ и разсудительной осторожностью. Г. Баллинъ, главный директоръ распорядитель Гамбургъ - Американской линiи, котораго я только-что нѣсколько дней тому назадъ принималъ въ Свинемюнде на борту моей яхты „Гогенцоллернъ“, дѣйствительно великiй человекъ и поистинѣ заслуживаетъ большаго, чѣмъ прозвища „Наполеонъ германскаго пароходства“, которымъ его окрестили энтузиасты-патриоты. Его энергичная дѣятельность и умъ способны на самыя трудныя дѣла, и, когда наступитъ день и часъ начать военныя дѣйствiя, онъ раскроетъ свои планы.

Само собой разумѣется, еще слишкомъ рано точно фиксировать то время, когда надо нанести ударъ противнику. Но я подамъ въ свое время необходимый сигналъ для нападенiя, когда въ моемъ распоряженiи будетъ находиться достаточный флотъ изъ цеппелиновъ. Я отдалъ уже приказъ о сооруженiи въ наикратчайшiй срокъ большого числа дирижаблей Цеппелина улучшеннаго типа, и, когда они будутъ готовы, мы разрушимъ и истребимъ англiйскiй флотъ въ Сѣверномъ морѣ, Каналѣ и Атлантическомъ океанѣ, послѣ чего уже никакая сила не будетъ въ состоянiи воспрепятствовать высадкѣ нашей армiи на Великобританскомъ берегу и ея триумфальному шествiю въ Лондонъ. Вы помните, господа генералы, что воскликнулъ нашъ незабвенный фельдмаршалъ Гебгардъ Либкнехтъ фонъ-Блюхеръ,

смотри съ вершины собора Св. Павла на разстилавшуюся передъ его взорами панораму огромнаго города. Его возгласъ былъ кратокъ и мѣтокъ: „Что за великолѣпный городъ для разгрома“.—были его слова.

Вы пожелаете знать, какъ же развѣвится начало военныхъ дѣйствій. Я могу успокоить васъ на этотъ счетъ. Само собою разумѣется, намъ не надо будетъ ходить далеко, чтобы найти справедливый предлогъ для войны. Армія моихъ шпіоновъ, разсѣянная по Великобританіи и Франціи, Сѣверной и Южной Америкѣ, также какъ и въ другихъ частяхъ свѣта, гдѣ германскіе интересы могутъ столкнуться съ чужеземными, позаботится объ этомъ. И издавъ уже въ этомъ направленіи нѣсколько времени тому назадъ секретный приказъ, который въ надлежащій моментъ сдѣлаетъ то, что намъ нужно. Вамъ всѣмъ хорошо извѣстно, что и въ настоящее время между нашимъ государствомъ, съ одной стороны, и Великобританіей и Франціей, съ другой, происходитъ борьба не официальнаго характера, которая, стоитъ мнѣ сказать лишь одно слово, превратится въ официальную. Борьба эта станетъ для будущихъ поколѣній отправной точкой новой эры въ міровой исторіи, эры пангерманизма. И ручался когда-то моимъ императорскимъ словомъ, что всякій германецъ, въ какой бы части земнаго шара онъ ни жилъ, имѣетъ неоспоримое право на мою защиту и покровительство. И въ настоящій торжественный моментъ я повторяю это обѣщаніе передъ вами, присовокупляя, что я не успокоюсь и не буду чувствовать себя удовлетвореннымъ до тѣхъ поръ, пока всѣ страны и территоріи, которыя вѣкогда были германскими, или гдѣ теперь живетъ большинство моихъ бывшихъ подданныхъ, не станутъ снова частью великой страны-матери, признавъ меня своимъ высшимъ владыкой въ войнѣ и мирѣ.

Даже и теперь я являюсь высшимъ повелителемъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ почти половина народонаселенія состоитъ изъ германцевъ по своему рожденію или происхожденію и гдѣ три милліона германскихъ выборщиковъ творятъ мою волю на президентскихъ выборахъ. Никакая американская администрація не можетъ оставаться у власти, вопреки германскимъ избирателямъ, которые, благодаря извѣстной удивительной организаціи Германско-Американской лиги С.-А. С. Ш., держатъ въ своихъ рукахъ контроль надъ судьбами обширной заокеанской республики. Если существовалъ когда-либо человѣкъ, достойный быть

увѣнчаннымъ высшими почестями изъ моихъ рукъ, то это—д-ръ Гекзамеръ, президентъ Германско-Американской лиги, который истинно можетъ быть названъ, съ моего соизволенія, дѣйствительнымъ повелителемъ всѣхъ германцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Кто можетъ утверждать, что Германія когда-либо признавала доктрину Монроа. Отвѣтъ на это былъ уже данъ ревомъ германскихъ пушекъ при бомбардировкѣ Саяъ-Карлоса, форта въ Венецуэлѣ. Близокъ тотъ день, когда мои германцы въ южныхъ штатахъ Бразиліи разорвутъ узы, связывающія ихъ пока съ республикой, и снова станутъ вѣропоподданными своего прежняго владыки. Въ Аргентинѣ, также какъ и въ другихъ южноамериканскихъ республикахъ, распространяется движеніе, носящее названіе Германскаго союза, то же положеніе вещей и въ южной Африкѣ, гдѣ, благодаря содѣйствию нашихъ колоній, развязка готовится сама собой въ полномъ согласіи съ послѣдними требованіями имперской политики. Съ помощью моего союзника, монарха Австро-Венгріи, я закрѣпиль за Германіей твердое положеніе на Ближнемъ Востокѣ и, замѣтьте, г-да, мои слова,—когда наступитъ день дѣлежа турецкаго трона, Малая Азія, Сирія и Палестина, короче говоря, сухопутный путь въ Индію, станутъ нашей собственностью и германскій флагъ будетъ развѣваться надъ храмами Іерусалима.

Но, чтобы пріобрѣсти все это, мы должны равьше сокрушить Англію и Францію. Война будетъ непродолжительна, сурова и рѣшительна. Послѣ того какъ наши цепелины приведутъ въ растройство англійскій флотъ, мы не встрѣтимъ серьезнаго сопротивленія на британскихъ островахъ и будемъ въ состояніи, слѣдовательно, обрушиться почти со всѣми своими силами на Францію. Должны ли мы уважать нейтралитетъ Бельгіи? Въ царствованіе славнаго императора Карла V обѣ Голландіи и Бельгія составляли часть Германской имперіи, и выступитъ опять то время, когда онѣ снова окажутся въ томъ же положеніи. Намъ надо будетъ дать два-три дня рѣшительнаго сраженія на поляхъ Франціи, послѣ чего французское правительство, признавъ невозможность справиться съ помощью своихъ дезорганизованныхъ и мятежныхъ полковъ съ моими „звѣрьми“, вынуждено будетъ согласиться на продиктованныя мною условія мира. Послѣ этого карта Европы будетъ выглядѣть вѣсколько иначе, чѣмъ теперь. Въ то время, какъ

будутъ развиваться указанныя событія въ Англіи и Франціи, наша союзница Австро-Венгрія будетъ держать на уздѣ Россію.

Имперія Царя все еще страдаетъ отъ послѣдствій своей несчастной войны съ Японіей и, слѣдовательно, не пожелаетъ еще разъ ожечь свои пальцы, тѣмъ болѣе, что она прекрасно сознаетъ, что принятіе ею противъ Германіи мѣръ, сколько-нибудь похожихъ на войну, сейчасъ же поведетъ къ новому взрыву революціи, результаты котораго чреваты непредвидѣнными послѣдствіями. Такимъ образомъ, вы согласитесь со мною, у насъ нѣтъ причинъ бояться Россіи. Послѣ войны наступитъ время, когда намъ можно будетъ устроить надлежащимъ образомъ наши дѣла въ Америкѣ и показать нашимъ друзьямъ въ заокеанской республикѣ, что я не забылъ того урока, который адмиралъ Девей задумалъ преподать мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ по поводу моего съ нимъ прецирательства о Кастро. Если Господь Богъ пожелаетъ помочь намъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, я вѣрю, что въ концѣ наступающаго года имперская казна будетъ съ избыткомъ переполнена золотомъ, которое вынуждены будутъ заплатить Великобританія и Франція въ видѣ вознагражденія за наши военныя издержки, что недовольство нашего народа прекратится, что, благодаря приобрѣтенію нами новыхъ колоній во всѣхъ частяхъ свѣта, наша промышленность и торговля станутъ процвѣтать, какъ никогда, и что республиканское движеніе среди моихъ подданныхъ, столь противное моей душѣ, исчезнетъ навсегда.

Тогда, но не раньше, наступитъ время, когда можно будетъ говорить о разоруженіи и международномъ третейскомъ трибуналѣ. вмѣстѣ съ Великобританіей и Франціей, поверженными въ прахъ, вмѣстѣ съ Россіей и Соединенными Штатами, находящимися въ моей власти, я установлю новый курсъ міровой исторіи,—курсъ, который разъ навсегда обезпечитъ за Германіей руководящую роль среди націй земного шара. Выполнивъ эту задачу, я сплочу затѣмъ всѣ народы бѣлыхъ націй въ могучій союзъ для борьбы, подъ руководствомъ Германіи, съ желтой опасностью, которая съ каждымъ годомъ принимаетъ все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. Тогда, какъ и теперь, раздастся мой кличъ: „Германцы, впередъ“!

Таково содержаніе рѣчи Вильгельма. Замѣтки, которыя

лежать передо мной, описываютъ въ живыхъ краскахъ тотъ эффектъ, который произвела рѣчь кайзера на его слушателей.

Старый сѣдовласый генераль фонъ-К. ушалъ даже на колѣни передъ императоромъ, чтобы поцѣловать руку, которую тотъ милостиво протянулъ ему.

„Воистину гласъ Божій говорилъ устами вашего величества“, воскликнулъ онъ въ глубокомъ волненіи, „Господь Богъ избралъ ваше императорское величество своимъ достойнымъ оружіемъ разсѣять этотъ британскій кошмаръ на морѣ, отъ котораго такъ долго страдала Германія, и Божья воля исполнится“. Какое богохульство!

Въ результатъ этого совѣщанія, которое продолжалось около пяти часовъ до поздней ночи, кайзеръ пришелъ къ полному соглашенію и взаимному пониманію со своими совѣтниками на счетъ тѣхъ наилучшихъ путей и средствъ, при помощи которыхъ съ наибольшимъ успѣхомъ возможно осуществить намѣченный планъ внезапнаго тайнаго открытія военныхъ дѣйствій“.

Для того чтобы передать потомству всѣ необычныя злодѣянія, каковыми запятнали себя германскія войска во время настоящей войны была, Высочайше учреждена чрезвычайная слѣдственная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго сенатора Кривцова.

Коммиссія эта уже выпустила нѣсколько выпусковъ, гдѣ подлѣя дѣянія германцевъ запротоколены показаніями свидѣтелей, съ приложеніемъ снятыхъ фотографій.

Чтеніе и разсмотрѣніе выпусковъ производитъ такое сильное впечатлѣніе, что свится ночью.

Вотъ посредствомъ какихъ раненій разрывными пулями кровавый кайзеръ мечталъ завоевать весь міръ.

П. В.